

**НИНА
ВАСИНА**



*Необитаемое
сердце Северины*

детектив
не для всех

Нина Васина

Необитаемое сердце Северины

«Автор»

Васина Н.

Необитаемое сердце Северины / Н. Васина — «Автор»,

Северина с детства знала, что она особенная... Умеет лечить одним прикосновением. Но самый главный ее дар заключался в другом – она создала свой мир и счастливо в нем жила. Феликс до сорока лет и не догадывался, что он особенный... Умеет убивать только силой мысли. Но когда умер его отец, этот дар некому было больше сдерживать, и Феликс стал убивать на заказ. Миры Северины и Феликса пересеклись, и они неминуемо встретились. Но за эту встречу каждый заплатил сполна...

© Васина Н.

© Автор

Нина Васина

Необитаемое сердце Северины

Северина утром глаза открыла, а и не утро еще – сумерки чуть просветленные. Она задержала дыхание и прислушалась. В коровнике – тихо. Нет ветра с запада – ветка не стучит в окно большой комнаты. Ветра нет и с севера – в холодной мансарде наверху стекло не дребезжит. А двух других ветров Северина не боится. Она потягивается, слезает с печки, перебегает в грубых шерстяных носках на другую половину дома и смотрит в замерзшее окно на восток. Изморозь на стекле розовеет. Северина дожидается, когда предметы в комнате определятся своими очертаниями и идет одеваться. На первый призывный крик Мурки из коровника она уже спешит в валенках и с ведром по розовому снегу, и ее следы – единственные.

Мурка шумно пьет пойло. Поднимает голову с благодарностью в огромных чудесных глазах с длинными ресницами, из ноздрей вырываются облачка пара, а с ворсистых губ капает. Северина за нежный взгляд гладит Мурку по огромному вздувшемуся боку – белому, с черным пятном. Высыпает курам горстями пшеницу из мешка. Подкладывает в стойло сено. Разбивает в миске на полу ледяную корку. Три нахохлившиеся курицы на насесте недовольно ворчат, слезать не спешат: хозяин молчит. Петух нехотя квохчет нутром, как прокашливается, потом напрягает шею, расставляет крылья и выдает первый свой кукарек с хрипотцой. На втором он уже мощно разгоняет воздух крыльями и голосит умело.

По такому морозу тепло в доме будет только до обеда. Потом начнет подкрадываться стынь. Можно пойти к тетке Армии до вечера, та дров не жалеет – есть кому их привезти летом и наколоть. Северина ставит чайник на электрическую плитку и заливает кипятком разложенные на тарелке ржаные сухарики. Совсем чуть-чуть воды, только чтобы размочить. На сухарики она капает подсолнечное масло и кладет на каждый мед – пальцем из ложки понемножку сдвигает. Нюхает еду. И, закрыв глаза, начинает есть, медленно смакуя каждый сухарик.

Готовит пойло корове на вечер, довязывает варежку, считает ворон на заборе – семь, а вчера было восемь... расчесывает волосы гребенкой, заплетает короткую косицу, а волосы с расчески складывает в холщовый мешочек... откалывает щепки для растопки на вечер... отложив топорик прислоняется спиной к чуть теплому боку печки и замирает в дреме, подставив лицо солнцу из окошка... Северина...

Как позвал кто-то. Вскочила. Дом начал остывать. Северина берет книжку, укутывается в пуховый платок поверх ватника и выходит, закрыв дверь на щеколду и закрепив ее щепкой. На улице считает дымки. Из восьми жилых домов затопили трое. Северина бежит дворами к дому тетки Армии, определяя натопанную тропинку по небольшим выемкам в легком пушистом снегу.

Тетка Армия мощна как танк. Сурова и правдива до обид и унижения окружающих.

– Севка! – кричит она. – Закрывай дверь быстрее, чего застыла? Дом выстудишь! В свою дверь небось просакиваешь моментом!

Северина и правда застыла в двери, слегка отяжелев сердцем, как у нее всегда случается при виде тетки Армии. Та, закатав рукава, месит в тазу тесто. Под тонкой тканью кофточка вздуваются мышцы. Значит, она на этой неделе печет хлеб на всех. Хлеб у тетки Армии самый вкусный.

Северина, прогрев глубокими вздохами грудь внутри, начинает раздеваться. Снимает платок, валенки, маленькую телогрейку, толстые ватные штаны. Остается в шерстяных брюках и свитере. Садится у окна и затихает от величия того, что из него видит. Дом тетки Армии стоит на пригорке. Отсюда вся деревня как на ладони. На ладони искрящейся счастьем зимы. Слышится тяжелое дыхание тетки Армии и жалобный скрип стола от толчков ее мощных рук.

– Армия – мать наша! – восклицает тетка, начиная лупить тесто ладонями. – Что-то не то. Слышишь, какие хлопки тусклые? А должны быть тугие. Тугие и хлесткие! Что читаешь? Толстые книжки – враги для глаз. Смотри, не ослепни. Читал тут один прапорщик. Дочитался! Жену застрелил по ревности. А в тюрьме ослеп. А я беременная осталась, вот тебе и книжки!

Северина ошарашенно смотрит на тетку Армию. Та продолжает лупить по тесту ладонями, явно повышая силу ударов. Останавливается, тычет в тесто пальцем и дожидается, пока углубление выровняется. Удовлетворенно кивает.

– Другое дело, армия – мать наша! – удовлетворенно замечает она и идет пить, зачерпывает ковшиком из ведра. Вдруг весело подмигивает. – Севка, знаешь, за что я тебя люблю? Ты – могила! Что хочешь при тебе говори, хоть словами задавись, в тебе все и умирает. Ну? Чего читаешь сегодня?

– Словарь... Даля, – тихо отвечает Северина.

Тетка Армия качает головой.

– Ну ты даешь, Севка. Как можно читать словарь?

– Вчера я тебе читала учебник по физике.

– Так то ж – физика! От нее хоть удивиться можно, потому что фантастика полная. А словарь зачем? Те понятии, что ты знаешь, сумеешь и словом назвать. А которые не знаешь, тебе и слова не нужны, нечего мозги засорять.

Северина на всякий случай взяла книгу со стола и прижала к себе.

– И на какой ты букве? – спросила тетка Армия, набивая табаком трубку.

– На «в».

– Ну, что там у тебя на «в»? Назови чего-нибудь.

– Ладно, – Северина кивает, заводясь. – Что такое ворвань, знаешь?

– Рыбий жир!

– А вороба?

– Доска на шпеньеке, чтобы круги чертить! – насмешливо объявляет тетка Армия и затягивается.

– Ладно, и про вольтижерку знаешь?

– И про вольтижерку. Гимнастку так назвать можно. Вот если бы наша единственная лошадь не пала в прошлом году, и ты бы на нее, уж не знаю с какого перепуга, запрыгивала и скакала в разных позах, была бы вольтижеркой. Зачем тебе эти слова, если ты их понятий не знаешь и по жизни не говоришь?

Ответить на это Северине нечего. Она отворачивается к окну. Тетка Армия подходит сзади и пыхает трубкой, шурясь от яркого солнца и слепящего снега. На белом пространстве появляется черная точка, которая перемещается от леса к деревне. Северина замирает, дожидается, когда точка увеличится – это быстро идущий на лыжах человек, и поднимает глаза на тетку Армию.

– Инспекция! – кивает та. – По твою душу.

Мужчина на лыжах у домов пошел медленно, разглядывая снег. Он в мохнатой шапке-ушанке и с рюкзаком за спиной. У дома тетки Армии мужчина остановился, рассмотрел следы и стал снимать лыжи.

– Следопыт, армия – мать наша! – хозяйка решительно направилась к двери.

В избу входит мужчина лет сорока с красным носом. Его борода, брови и ресницы покрыты инеем, на усах сосульками нависает то, что вытекло из носа.

– С Новым годом! – объявляет он от двери, снимая сосульки с усов.

– Запозднил ты, Берия, неделю назад по-старому встречали, – тетка Армия помогает ему снять рюкзак.

– Попрошу не оскорблять, – спокойно заметил мужчина. – Созвучие моего имени и отчества права на это вам не дает. Здравствуй, девочка!

– Здравствуйте, Лаврентий Павлович, – встает Северина.

Солнце из окна заливает ее гладко зачесанные волосы золотом.

– Вот то-то же, – кивает Лаврентий, берет рюкзак и идет к столу. – Я тебе подарок со школьной елки принес. Без мандаринов! – он многозначительно поднимает палец. – Мандарины – продукт скоропортящийся, сама понимаешь...

– Скажи просто, что сожрал мандарины или девкам своим скормил, – беззлобно замечает тетка Армия.

– А хоть и девкам? Детям – не зазорно. – Он смотрит на Северину и растягивает рот в косматой улыбке, подавшись ее свечению. – Тут вот тебе учебники, что просила осенью. Тетрадки. Контурные карты для географии. Газеты.

В дом заходят две старушки. Здравуются, снимают платки и полушубки. Идут к столу. Тетка Армия закрывает таз с тестом полотенцем и убирает его на табуретку у печки. Смахивает фартуком со стола, достает рюмки. Лаврентий вытаскивает папку – кожаную с застежкой на кнопке. Засовывает шариковую ручку пишущей частью в рот для разогрева. Тетка Армия ставит тарелки с квашеной капустой, маленькими солеными огурчиками, хлебом и салом. Одна старушка достает из-за пазухи три вареных яйца. Вторая ставит на стол банку шпротов. После чего все затихают и выжидательно смотрят на Лаврентия. Тот, показательно вздохнув, достает из рюкзака бутылку водки. Тетка Армия усмехается, старушки кивают. Северина улыбается. С прошлого года пошло, что бутылка – непременное условие ее появления перед Лаврентием Павловичем. Без бутылки для старушек хоть со взводом солдатиков всю деревню обыщи – не найдут Северину!

Все усаживаются. Северина ставит табуретку поближе к Кукушке – маленькой полной старушке с морщинками, сцепившими ее мордочку в застывшую виноватую улыбку. Старушка обнимает Северину и тихонько засовывает в карман ее брюк бумажную денежку.

Тетка Армия открывает бутылку. Лаврентий выставляет ладонь.

– Рано! – он достает из папки листы бумаги. – Вы порядок знаете. Северина! Не надумала поехать в интернат?

– Нет, – Северина качает головой.

– Ладно. Пусть твои опекуны подпишут, что против интерната. – Он протягивает ручку тетке Армии.

Та сердито черкает на бумаге завитушку. Лаврентий косится на старушек. Они переглядываются. Маленькая улыбчивая, которую Северина зовет Кукушкой, неуверенно тянет руку к бумажке.

– Не пойдет, – качает головой Лаврентий. – Где второй опекун?

– Любава на работе. Ей некогда с утра до ночи сидеть у окошка дожидаться, пока ты просроченный подарок с елки привезешь! – разъярила тетка Армия.

– Тогда вы порядок знаете. Пусть председатель подпишет, как официальное лицо.

– Нашел официальное лицо! Он уже не помнит такое слово – колхоз! – заметила высокая тощая старушка.

– Главное, что ему государство доверяло важную работу, – не сдается Лаврентий.

Северина бросилась к двери. Накинула платок, ноги – в валенки, и только ее и видели. Она бежит к дому Бугаева, бывшего председателя бывшего колхоза. Бугаев чистит снег у калитки.

– Чего раздетая бегаешь? – укоризненно спрашивает он. – Докторов тебя наблюдать у нас нету.

– Лаврентий приехал, а Любава на работе. Подпишите, чтобы меня в интернат не забрали.

– А вот я хочу, чтобы тебя в интернат определили! Чтобы ты кроме этих старух замшелых с одногодками своими общалась! Приобщалась, опять же...

– К социалистической культуре!.. – закончила за него Северина. – Пойдемте уже, холодно, про заботу государства – по дороге скажете. Все время одно и то же говорите, каждые полгода, как наизусть.

Бугаев поспешил за ней.

– Кто пришел-то? Не беги, горло застудишь!

– Кукушка с Солодухой пришли, тетка Армия хлеб замесила, Лаврентий бутылку принес.

* * *

В избе тетки Армии Бугаев сразу перешел к делу. Став у стола и оглядев сидящих, он заявил:

– Сначала я намерен объяснить свое согласие на данную подпись. Как лицо ответственное, которому государство доверило...

Тетка Армия его перебила:

– Бугай, если заведешься про заслуги, у меня тесто скиснет. Не тяни, подписывай.

– Я должен в присутствии официального лица объяснить условия нашего существования, которые вынуждают меня...

– Хватит одно и то же мусолить! – перебила его сухопарая восьмидесятилетняя Солодуха. – Два года как у Севки мать померла. Два школьника у нас в деревне было. Той же зимой волки задрали мальчонку наших Кикимор. Он в школу на лыжах ездил за шесть километров. Кикиморы до сих пор как в отключке. Выпьем за малого, пусть ему на том свете...

Солодуха подвинула рюмочку к бутылке. Бугаев решительно забрал бутылку со стола и повысил голос:

– Отсутствие дорог и транспорта, чтобы перевозить школьников, отсутствие этих самых школьников, которых осталось в единственном числе – наша Северина, которой в этом году исполняется десять!..

– Да он уже принял! – заметила тетка Армия. – А ну не тронь бутылку! Северину в интернат не отдадим, потому что там каждый год то корь, то свинка повальная! Кормят отбросами. А школу Севка экстерном кончит, если захочет. Я как ближайшая родственница...

– Любава ближайшая! – перебила ее Кукушка.

Как всегда, перешли к выяснению родства. Северина стащила со стола подарок – цветной пакет из плотной бумаги – и села у печки поедать конфеты. Конфеты были разные – каждой масти по три штуки. Еще маленькая упаковка с четырьмя печеньями и большая ириска гематогена. Северина начала с шоколадных конфет, постепенно освобождая их от фантиков, по мере отгрызания передними зубами маленьких кусочков.

Ближайшей родственницей Северины была Любава Полутьма – троюродная сестра умершей Варвары. Осиротев, восьмилетняя девочка собрала всех прописанных деревенских – девять человек – и попросила оставить ее в деревне на проживание. Собравшиеся стали распутывать родственные связи всех Полутьмов, которых в деревне было большинство, да и деревня называлась Полутьма. Армия вынуждена была признать, что для матери Северины троюродная сестра ближе по родству, чем свояченица, к тому же – сама она не Полутьма, а просто Петрова. И согласилась быть опекуном номер два. Единственным человеком, который молчал все четыре часа выяснения родственных связей и небольших потасовок при этом, был Немец – второй мужик в деревне кроме бывшего председателя колхоза. Дождавшись полного утомления спорящих, он в конце спокойно заявил, что детей, подобных Северине, государство должно наблюдать в специальных исследовательских центрах. За что получил сильный удар в лицо от тетки Армии и был изгнан из-за стола переговоров с обещанием сжечь его усадьбу, пасеку и лодочную пристань, если он еще хоть раз скажет про обследование Северины.

За столом налили рюмочки уже по второму разу.

– За новый тыща девятьсот девяносто второй! – объявил вставший Лаврентий.

Когда бутылка опустела, Солодуха достала из-за пазухи чекушу самогона, но тетка Армия категорически воспротивилась.

– Мне еще хлебом заниматься, а от твоей бурды я в отключку – штопором!

Солодуха убрала бутылку и обиделась. Поднялась, засобиравшись уходить.

– И нам пора, – встал Лаврентий и многозначительно посмотрел на Северину. – Пойдем проверим условия проживания несовершеннолетней. Произведем, так сказать... осмотр...

Он пошатнулся, наклонился за упавшей у стола ушанкой, а сам быстрым взглядом окинул Северину. Девочке стало интересно – она поняла, что Лаврентий совсем не пьяный.

Пришли в ее избу. Солнце шло на закат. В избе холодно. Лаврентий сел у двери на скамью, положил рядом рюкзак, снял ушанку, пригладил волосики на макушке и сказал буднично.

– Раздевайся.

Северина постояла, раздумывая, потом спросила:

– Как раздеваться?

– Наголо, – велел Лаврентий.

– А зачем?

– Проверим, нет ли побоев... увечий каких или еще чего...

Северина сняла телогрейку, свитер... Пока расстегивала пуговицы байковой рубашки, смотрела на Лаврентия. Тот разглядывал печь, стол у окна, старинную этажерку с книгами. На верхний полке ряд одинаковых корешков – Эмиль Золя. Северина сняла майку. Лаврентий рассмотрел ее тонкое тельце, тяжело вздохнул.

– Плохо ты ешь, Северина Полутьма. Развитие имеешь недоразвитое. Десять лет – пора уже... припухлости разные иметь, месячные... У моих вон девок – с девяти лет пришли. Ладно, одевайся, штаны не надо снимать.

Северина быстро закуталась в платок и спросила:

– Зачем вам мои припухлости?

– Вот когда будут, тогда покажу, зачем, – Лаврентий поднялся и пошел к двери. Задержался. Не поворачиваясь, заметил: – Холодно в избе, плохой за тобой пригляд.

Дверь резко распахнулась, вошла тетка Армия с короткоствольным автоматом. Лаврентий замер, уставившись на дуло у своего живота.

– А мы бабы северные, архангельские, позднее созревание имеем! – заявила она. – У меня, к примеру, только в шестнадцать пришли. Севка, оденься! А я с дядей на улице поговорю.

– Не бей его, – просит Северина, наблюдая процесс протаскивания Лаврентия через порог за шкурку.

– А чего его бить? Пристрелю на ..., и все дела!

Северина одевается у окна и смотрит, как на улице тетка Армия что-то с улыбочкой говорит Лаврентию, и от этого он резко наклоняется в приступе тошноты. И выливает все застолье рвотой. Армия пинает его ногой в зад, Лаврентий падает лицом в свое добро. Потом садится и вытирается снегом. Армия сует ему в руки лыжи. Лаврентий смотрит жалобно, показывает рукой на багровое солнце, уже просевшее в черноту леса. Скоро стемнеет. А до проезжей дороги шесть километров. Северина уверена – он боится волков в темноте. Еще она знает, что ему отвечает Армия – Гераська тоже боялся по темноте в школу на лыжах ходить. Лаврентий становится на лыжи и уходит вразвалку. Тетка Армия машет рукой в окно девочке. Северина выходит на крыльцо.

– У кого ночевать будешь? – спрашивает Армия.

– Дома буду. Сейчас затоплю. Сегодня по телеку «В мире животных».

– А не забоишься?

– Нет, – мотает головой Северина.

– Испугал тебя этот боров?

– Не-ет!

– Ни капельки?

– Ни капельки! – подтверждает Северина.

– Молодец, – кивает Армия и уходит, унося на выступающем животе автомат.

Северина осматривается, кивает сама себе и улыбается. Подает голос корова. Девочка тащит ведро с пойлом с крыльца. Снег под ее валенками оглушительно хрустит, перекачивается эхом до невидимой речки и обратно, тревожа промерзшую искорками льда тишину.

* * *

Феликс Мамонтов-младший зимой девяносто второго отметил свое тридцатидевятилетие в дорогом ресторане. Гуляли культурно – все люди со степенями, химики-физики, да их жены биологи-филологи. Платил Феликс, он один из круга близких друзей ушел из НИИ и имел небольшой бизнес и дорогой автомобиль.

Наутро Феликс чувствовал себя неплохо, но в который раз отметил, что потребление спиртного странным образом действует на его зрительное восприятие – выравнивает окружающую действительность в плоскость, сплющивая объемные предметы и живность в черно-белые картинки. Поэтому минут тридцать после сна, пока чашка кофе усваивалась организмом, Феликс неуверенно ощупывал в квартире все, что встречалось ему на пути. Это при том, что Феликс совершенно не пьянел и сохранял остроту ума и внятность речи при любых дозах. А вот наутро мир превращался в черно-белый журнал комиксов. Из живности в его квартире находились: юная блондинка лет двадцати с выдающимися формами, собака – белая болонка с красным бантом и воспаленными глазами (Феликс по завещанию взял к себе любимую собаку умершей матери) и канарейка в клетке. Канарейка первой приобрела реальные очертания – Феликс как раз стоял около нее с пустой чашкой, когда черно-белая картинка с прутьями клетки, окном и непонятной птичкой постепенно расцветилась и ожила. Болонка спала на фиолетовом шелковом покрывале в ногах женщины. В большой синей вазе на полу стояли белые хризантемы. Феликс машинально отметил, что сегодня у него в квартире три блондинки и заторопился на встречу с отцом.

Виделись Мамонтов-старший с Мамонтовым-младшим (оба – Феликсы) часто, поэтому младший удивился настойчивости и торжественности, с которой отец приглашал его прийти утром в воскресенье в зоологический музей на Малой Грузинской улице.

В музее было пусто. Никто в десять утра не торопился идти рассматривать коллекции засушенных бабочек и чучела млекопитающих. Отец был в зале с флорой и фауной степных районов. Сидел на стуле рядом со смотрительницей, держал ее руку в своей и что-то проникновенно говорил в застывшее лицо пожилой женщины. Увидев сына, старший Мамонтов встал, поцеловал руку и еще погладил женщину по голове. Феликс занервничал. Последнее время он стал замечать за отцом некоторые странности. Конечно, по сравнению с тем, что он видел в детстве, эти странности можно было отнести к очаровательным особенностям поведения старого ловеласа, не более, но смотрительница выглядела расстроенной.

Отец и сын обнялись (кстати, еще одна «очаровательная» особенность – Феликс-старший после шестидесяти стал обниматься, целоваться и рассказывать об увлечениях юности всем подряд).

Отец отвел Феликса в небольшую комнатку со столом, старым диванчиком и множеством цветочных горшков. На маленьком столе стояли телефон, электрический чайник и вазочка с печеньем. И Феликс понял, что смотрительница – не случайная знакомая, отец знает ее давно, она предоставила свое дежурное помещение, и ему стало легче. Они уселись, соприкасаясь в тесноте коленками.

– Чем ты только что огорчил даму? – спросил Феликс.

– Сказал, что скоро умру, и мы, наконец, будем вместе.

– Наконец? – уточнил Феликс, намеренно игнорируя тему близкой смерти.

– Мы знакомы с детства. Это Феофания.

Феликс задумался. Он сразу понял, о ком говорит отец, но тянул время, чтобы определиться со своей реакцией.

– Феофания... не помню.

– Ну как же, я столько рассказывал о ней вам с матерью. Дочка дворника, которая оживляла насекомых и мелкую живность. Ну?

– Да... – замялся Феликс. – К вам на Новый год прилетали мадагаскарские бабочки.

– Ну вот, молодец, – заулыбался отец. – Это Феофания, уж извини, я тебя с ней ближе знакомить не буду, на то есть основания. – Мамонтов-старший задумался. – Да. Как раз насчет этих самых оснований мы сегодня и встретились. Сам понимаешь, почему – здесь. Здесь без-опасно, а я человек...

– Ты выбрал место, в котором нас не смогут прослушать.

– Да, и не надо иронии!

– Я совершенно серьезно, – Феликс, как мог, изобразил на своем лице нечто вроде готовности к борьбе и обороне.

– Феликс, мне шестьдесят девять, мои возможности существовать в этом мире исчерпаны. И физически, и эмоционально. Я стал совершенно безразличен к удовольствиям, подвигнуть меня на передвижения или какие-то поступки может только раздражительность, злость или желание настоять на своем, даже если это старческий маразм. Не перебивай. Наш разговор сегодня касается не меня, а тебя. Ты ждешь ребенка?

Феликс опешил. Он несколько секунд рассматривал лицо отца, его руки, чтобы справиться с детским чувством неуверенности и страха, которого не испытывал с тех пор, как стал жить отдельно.

– Ребенка?.. – выдавил он, наконец.

– Значит, твоя женщина тебе не сказала?

– Женщина?.. Э-э-э... которая?

– Прекрати, что ты мямлишь, как маленький! Ко мне пришла твоя женщина, сказала, что она, возможно, беременна и должна хорошо представлять себе будущие условия вашего совместного существования. Собственность, имущество и все такое. Очень деловой подход, учитываая, что вы с нею не женаты.

– Как она... выглядела? – продолжал «мямлить» Феликс.

– Это некая Алина Фейсак, я потребовал показать паспорт, – пришел на помощь отец. – Я знаю, что у тебя есть и другие женщины, но это дела не меняет. Важно только, хочешь ли ты стать отцом.

– Подожди, что ты ей сказал?

– Я велел ей сделать аборт и не беспокоить меня больше подобными визитами до появления в ее паспорте штампа о замужестве.

Феликс откинулся на спинку стула и расставил ноги пошире. Теперь колени отца оказались между его ног. Две плотно прижатые друг к другу коленки, на них – ладони со вспученными старческими венами. Феликс поднял глаза.

– Ты ведешь за мной слежку?

– Иногда. После твоих проблем с закупкой в Польше подержанных иномарок я прошу своих бывших коллег... Короче, у меня сохранились кое-какие связи... – Отец замялся, но потом выпрямился и открыто посмотрел в глаза сыну. – Это не то, что ты думаешь. Меня интересует только возможность твоего размножения.

– Возможность чего?.. – не поверил своим ушам Феликс.

– Ты должен быть очень осторожен при решении завести ребенка. Для этого я тебя и позвал. Ты должен знать о последствиях.

Феликс положил свою ладонь поверх ладони отца.

– Я не намерен в ближайшее время, как это... размножаться. Я не готов стать отцом. Может, это тебя успокоит, и мы пойдем в кафе выпить кофе с коньяком?

– Нет ближайшего или отдаленного времени для рождения ребенка. Есть только факт наличия у тебя дееспособной спермы.

Феликс убрал руку, а отец сжал свои ладони в кулаки, запрятав внутрь большие пальцы.

– Когда тебе было десять лет...

– Я помню. – Феликс перебил его, откинувшись на спинку стула и закрыл глаза. – Ты ходил по квартире с ведром на голове, в ведре были проделаны дырки для глаз. Но потом оказалось, что через глаза тоже можно посылать особые лучи в мозг человека, и ты стал надевать очки с зеркальными отражающими стеклами, и даже спал в очках. Правда... без ведра.

– С пятьдесят восьмого года я наблюдался в строго засекреченной лаборатории биоинформации. Меня обследовали на предмет возможностей мозга сканировать и мысленно отдавать приказы.

– Ты двигал предметы, – кивнул Феликс, не открывая глаз. – Но это ты умел и до пятидесяти восьмидесяти. Твои фокусы на мой день рождения – ложки ползут по столу к вазе. Почему ты стал носить ведро на голове?

– После опытов. Я реально боялся возможностей собственного мозга. Я должен был защитить вас от воздействия моих мозговых импульсов!

– А ребята во дворе говорили, что тебя в дурку определят. Замолчали только, когда ты молнию поймал.

– Ты помнишь? – оживился отец.

– Да. Протянул руку, и молния вошла в твою ладонь. Ты сжал ладонь в кулак, как сейчас, – большим пальцем внутрь, и убрал ее в карман. Больше со мной во дворе никто не разговаривал – боялись. Мы скоро переехали...

– Феликс, я не оправдал ожиданий ведомства, которое потратило на меня больше двадцати лет работы и массу дорогого оборудования. Из меня не получился сканер.

– Сканер?

– Была поставлена конкретная задача. Я должен был считывать информацию из любого другого мозга. Облом начался уже на мышах. Они впадали в коллапс от контакта со мной, но информация в их мозгах была категорически неопределима. Более того, я тоже впадал в коллапс от контакта с ними. Только представь! Животные мыслят не так, как люди! Не образами! Они гораздо развитее нас.

Отец в радостном восхищении посмотрел на сына. Феликс как мог изобразил ободряющую улыбку. Отец от такой его улыбки потихоньку затух глазами.

– Есть и положительные стороны, – вздохнул он. – Я выучил пять языков и досконально знаю историю, экономику и военные возможности многих зарубежных стран. Закрыв глаза, я могу представить улицы Парижа шестьдесят девятого года. До номеров домов, до мелочей! Тысячи метров киноплёнки... А выехать никуда не могу. Даже сейчас. Зачем я тебя позвал... Мой дед был картежником. Отец мне рассказывал. Весь свой капитал дед заработал игрой. Перед смертью признался – он читал мысли игроков. Видел их глазами. Но только в моменты сильного напряжения и концентрации. Еще от страха. У отца ничего такого не наблюдалось. У меня – частичные намеки на сверхъестественные способности. Скажу честно – я мечтал о цирке. Лучше всего я обращался с огнем и электрическими разрядами. Я не просто ловил молнии. Я мог носить их, фигурально выражаясь, в кармане, а потом выпускать в любое место. Я мог стать самым известным фокусником, повелителем огня, но первое же сканирование мозга сильно уменьшило эту мою способность. Из меня готовили разведчика. Знаешь, жизнь, оказывается, такая нелепая штука... Она лишает человека возможности выбора, что бы там ни говорили на эту тему астрологи. И ведь как хитро лишает! Заманивает невероятными посулами, уводит в сторону от самого естественного – детских мечтаний...

Феликс смотрел на опущенную голову отца, на круглую плешь в обрамлении седого ежика и с трудом удержался, чтобы не накрыть эту плешь ладонью. Отец в детстве частенько заставлял его закрывать мозжечок рукой или шапкой, чтобы космические лучи не навредили мозгу в период своей сильной активности.

– Ладно тебе... – Он ограничился тем, что потрепал отца по плечу. – Не все так плохо. Зато мы жили, как сыр в масле катались. Черная икра по воскресеньям, спецобслуживание...

– С этой икрой – не поверишь! – оживился отец. – Мне же ее выдавали по разнарядке, когда к нам начальник из лаборатории КГБ на обед приходил! А я тогда сразу звонил сестре, чтобы племянники приходили покушать. Да... О чем это я?... Ах, да! О тебе и твоём потомстве.

– Ты беспокоишься, что мой ребенок может быть сканером? – Феликс устал и решил двигаться к завершению этого странного разговора.

– Да, – просто ответил отец. – И это самая ничемная и трудная судьба для любого человека, уж ты мне поверь.

– Хорошо, – Феликс встал. – Я все понял и очень внимательно отнесусь к этой информации.

– Сядь! – сказал отец, не двигаясь. – Конечно, ты внимательно отнесешься к этой информации! Мне стоило больших усилий оградить тебя самого от исследований.

И Феликс сел.

– Хочешь сказать, что меня, как твоего ребенка, должны были...

– Хочу сказать, что мы срочно переехали после того, как на тебя напала собака!

Феликс ошарашенно посмотрел на отца. Он не помнил никакой собаки.

– Понятно, – кивнул отец. – Ты не помнишь. А переезд помнишь? Наш первый переезд, тебе было десять?

– Переезд помню, а собаку – нет...

– Хорошо. – Отец кивнул, как показалось Феликсу, с удовлетворением. – Посмотри на меня. В глаза посмотри. Ты шел после занятий из Дома пионеров. Скверик небольшой, на тебя зарычала собака...

Феликс вдруг увидел чахлый фонтанчик в сквере из детства так отчетливо, что вздрогнул. И собаку – большая овчарка с волочащимся поводком. И свои ноги – в сандалиях с дырочками...

– Вспомнил! – воскликнул он радостно. – Я убежал, а потом остановился, чтобы не быть трусом. Отец!.. – Феликс схватил его за руку. – Ты заставил меня вспомнить? Ты так умеешь?

– Ерунда. – Отец взял его ладони в свои. – Это ерунда, такое каждый захудалый психиатр сможет. С задатками гипноза, конечно... Вот заставить тебя забыть тот случай было сложно.

– Собака не напала, она свалилась в обмороке, я помню. – Феликс почувствовал радостное возбуждение. – И день тот помню, лето было, я сделал макет молекулы водорода!

– Собака умерла, никакого обморока. Свалилась, можно сказать в прыжке. Она прыгнула на тебя, это видели прохожие. И хозяин, кстати, видел. Важный чин в министерстве образования. Он пришел ко мне через три дня. Тебе конфеты принес за пережитый стресс, а мне справку от ветеринара. Смерть овчарки наступила от сильных изменений мозга. Он сварился. Чиновник просил не жаловаться, собака, получается, была не совсем здорова, и все такое...

– Подожди. Кто сварился?... – не понял Феликс.

– Мозг собаки выглядел так, как будто его сварили в кипятке. Приди этот чиновник к другому какому человеку, тот бы ничего не понял. Но я-то уже был лабораторной крысой, я уже знал, как воздействуют на все живое электромагнитные волны. Вот так...

– Ты хочешь сказать, что собака в прыжке получила микроволновый заряд...

– Ее мозг, – уточнил Феликс-старший и постучал себя по голове.

– Ладно, я понял. – Сын встал. – Ты намекаешь, что я тоже не без способностей, спасибо. – Мне душно в этой комнатке и как-то не по себе. Пойдем на улицу. Хотя, честно говоря... – Феликс посмотрел на часы.

– Мне тоже пора, – отец встал. – Самое главное обсудим стоя. Две минуты – и я уйду. Особые обстоятельства – вот самое главное в проявлениях способностей. Человек может прожить жизнь и не знать, на что способен его организм. Пока он не научится замедлять время.

– Понятно, замедлять время, – кивнул Феликс, уже жалея, что не ушел сразу.

– Страх или сильное волнение заставляет человека лучше ориентироваться в отведенных ему секундах опасности. Многие избежавшие беды в критических для жизни ситуациях и те, кто смог спасти других в этих ситуациях, говорили, что у них было время на реакцию, как в замедленном кино. Они все успевали – уклониться, отскочить, выдернуть из-под машины ребенка, удержать падающую трехсоткилограммовую плиту. И это – люди с ординарными способностями. Что же говорить об особо одаренных!

– То есть – обо мне! – И Феликс перешел к решительным действиям.

Он обнял отца и почти силой вывел его из комнатки в коридор музея. Публики прибавилось, бегали дети.

– Ты должен знать, – сказал устало Мамонтов-старший, – это был не единственный наш переезд...

– Отец, – проникновенно заверил Феликс, – как только я надумаю жениться или размножиться, клянусь, ты узнаешь об этом первым после моей избранницы! Мы все тогда хорошенько обсудим, ладненько?

Ответа он не получил. Отец ушел, отвернувшись. Феликс выдохнул, потер виски и огляделся. У стенда с коллекцией бабочек стояла кучка детишек лет шести-семи. Знакомая отца что-то тихо им говорила, показывая на бабочек. Феликс окинул глазами просевшую к земле фигуру пожилой женщины, вспомнил, что она и отец – одногодки. Отец рассказывал, как в шесть лет его соседка по коммуналке – одногодка Феофания, которую все звали Феней, на его глазах оживила для него засохшую бабочку на чердаке. А самое прекрасное видение отца – это девочка Феня в речке, тем же летом, с расставленными в стороны руками, вся в сверкающих стрекозах. Они сидели на руках, голове, на растопыренных пальцах и, что его особенно поразило – на крошечных сосочках плоской груди, и Феня кривилась от цепких стрекозьих лап, но терпела, чтобы поразить его наповал.

Феликс невольно улыбнулся, столь отчетливо вдруг представив себе смотрительницу шестилетней, и замер. Феофания открыла стеклянную дверцу и что-то спрашивала у детишек. Одна из девочек показала на самую большую бабочку с фиолетовым свечением крыльев. Мальчики спорили, показывали на другую. Феофания успокоила их, выставив перед собой ладони. Феликс задержал дыхание, предчувствуя что-то необычное. Феофания вытянула губы трубочкой и подула на фиолетовую бабочку. Потом – на другую, со сложным разрезом крыльев. Бабочки... пошевелили крыльями. И взлетели! Открыв рты и запрокинув головы, дети смотрели вверх, на их полет, и Феликсу стало тошно до слез. Он готов был заплакать. Сделав круг по залу, бабочки вернулись на стенд. Дети захлопали. Феофания приложила указательный палец к губам, призывая их к тайне. И в этот момент Феликс покрылся мурашками от страха – он отчетливо вспомнил то происшествие с собакой – овчарка сзади, с оскаленной мордой, и ему не убежать, это уже понятно. И тогда он остановился и замедлил... время. Прыжок стал тянуться... тянуться... собака зависла в воздухе...

– Вам плохо? – спросил кто-то рядом.

Феликс очнулся, провел по лбу рукой, вытирая ледяной пот, и заспешил к выходу.

– Спасибо, все в порядке.

Феофания закрыла стекло на стенде с бабочками. Дети окружили ее молча, с ожиданием следующего чуда. Она улыбнулась. Две молоденькие учительницы, которые привели детишек, болтали о чем-то неподалеку.

– Мыши-полевки, – сказала Феофания, показывая рукой, куда идти. – Удивительные существа! Умеют танцевать. Не верите?

– Боюсь!.. – поверила одна девочка.

– Они же сушеные! – успокоил ее мальчик. – И за стеклом.

* * *

Северина проснулась ночью от крика Мурки в коровнике. Забегала по комнате, причитая:

– Mamочки, что же делать?.. Еще целый день, она же обещала подождать!..

Кое-как одевшись, девочка выбежала на улицу. Включила фонарь, который ей приладила тетка Армия как сигнал в случае опасности. Побежала в коровник.

В тусклом свете засиженной мухами лампочки под потолком она увидела лежащую Мурку. Подняв голову, корова издала утробный крик. Северина бросилась к ней и приложила ладони к огромному раздутому животу.

– Нет-нет-нет, – прошептала она, – подожди, маленькая, подожди, солнышко... Рано еще, подожди чуток... – Она легла на горячее брюхо щекой.

Мурка подняла голову и посмотрела на девочку полными боли глазами.

В коровник зашли Солодуха с теткой Армией.

– Я как чувствовала, – мрачно сказала Армия. – Мы с Солодухой у меня ночевничали. В карты играли.

– Я спросила, наточен ли нож, – кивнула Солодуха.

– Где нож? Какой нож? – подняла голову Северина.

– Если не растелится, резать будем, пока корова жива. Чтобы хоть мясо продать можно было, – разъярила Армия. – Уж больно живот большой. Никогда у Мурки такого огромного пуза не было.

– Она растелится! Она подождет до завтра! – закричала Северина, глотая слезы. – Плевала я на ваше мясо!

Дверь коровника открылась, впуская Бугаева. Он осмотрелся, кивнул женщинам и спросил:

– А что у нас будет завтра?

– Завтра пятница, – объяснила Армия, – хахаль Любавы доставит ее на санях с работы. Севка заказала ветеринара. Обещали привезти.

Бугаев подошел к корове сзади и тщательно ощупал промежное место. Вытер руку о солому.

– Это какой хахаль? – спросил он. – У которого вороной жеребец с завода?

– Ну, – кивнула Армия.

– Мясо кому продавать будете? – спросил Бугаев, усаживаясь на перевернутое ведро.

– Никакого мяса! Мурка подождет ветеринара! – глотая слезы, крикнула Северина.

– Я к тому, что можно его разделать и заморозить. А весной – на рынок. Все дороже, чем на мясокомбинате.

– Убирайтесь немедленно, – приказала ему Северина, – а то я передумаю вам телочку продавать! А она крупная будет, такую телочку еще поискать надо!

– Телочка... бычок. Кто знает, чего там? – пробормотал Бугаев, но ушел.

Северина легла рядом с коровой на левый бок, стараясь как можно дальше просунуть левую ладошку под вспученный живот. Правую она положила сверху на брюхо Мурки.

– Ты это... Того... Не ложилась бы так близко, – предупредила ее Солодуха. – А ну как дернется – встать захочет, придавит насмерть.

Тетка Армия оголила свою правую руку и смазала ее маслом до локтя.

– Ну чего, Севка? Посмотрю, как там телочка идет? Отползай.

– Нет! – уверенно сказала Северина. – Не идет она. Затихла.

– Мало ли – затихла! Мурка уже подтекла.

– Нет! – повторила Северина.

Мурка стала дышать спокойней. Судорожные подергивания задних ног прекратились. Женщины прошлись по коровнику.

– Чего, так и будешь тут лежать? – спросила Солодуха.

Северина осторожно вытащила левую руку, правой поглаживая живот коровы. Встала, вышла из коровника. Женщины переглянулись. Армия пожала плечами. Северина быстро вернулась. Положила возле Мурки побольше сена. На сено – принесенную старую телогрейку. Села на нее и достала из кармана кусок домашнего сыра в белой тряпице. Развернула. Разломала сыр на три куска.

– Угощайтесь.

Армия села рядом на телогрейку. Взяла масляной рукой желтоватый кусок сыра, больше похожий на прессованный творог. Солодуха стала на колени и отломала немного. Положила в рот и начала мять его языком. Тетка Армия откусила много и набила рот, жуя с закрытыми глазами и покачиваясь от удовольствия.

– Ох, и хорош у тебя сыр, – похвалила Солодуха, перестав плямкать. – У матери твоей Варвары, царство ей небесное, всегда был лучший сыр. А у тебя еще лучше!

Армия достала из кармана четвертинку хлеба. Пахнуло так, что Мурка подняла голову, шумно втягивая воздух ноздрями. Женщины замерли. Северина положила ладонь на живот коровы. Мурка простонала завистливо и уронила голову.

– Сев, а Сев, – сказала шепотом Солодуха, – ты заметила, сколько я на коленках стою? И ничего! Давеча так навернулась у колодца, думала – кости уже не соберу или замерзну насмерть, пока кто хватится. И подняться ведь боюсь – все кружится каруселью. А потом стала на четвереньки и потихоньку, потихоньку доползла до дома. Вот какие коленки у меня теперь. А с прежними-то никогда бы не доползла. Спасибо, душа-девица, дай бог тебе мужа уникального, какого ни у кого нет!

– Какого мужа? – прищурилась тетка Армия.

– Уникального... – уже не так уверенно повторила Солодуха.

– Где ты слово-то такое откопала, – покачала головой Армия. – Вот ведь всегда по жизни как скажет что – хоть стой, хоть падай! Уникального! Нет, чтобы пожелать доброго да здорового, чтобы умел и с оружием любым справиться и погладить между ног так, чтобы...

От толчка Солодухи в плечо Армия замолчала и закрыла рот ладонью. Солодуха не удержала равновесия и завалилась набок.

– Солодуха, сколько тебе лет? – спросила Северина.

– Вроде, восемьдесят, – ответила та, оставшись лежать, привалившись к Армии. – Я крестины твои помню, – она опять толкнула Армию кулаком в бок. – Не пискнула, когда тебя в купель сунули! Отец-то ее мальчонку хотел. Сказал тогда, что бой-баба вырастет. Вот уж, прости мою душу грешную, вырослотак выросло. А из меня какая крестная – двадцать лет было...

– Не может такого быть, – категорично заявила Армия.

– Говорю – двадцать!

– Не может быть, чтобы мне уже шестьдесят стукнуло. Поэтому – замнем для ясности. Пробуйте хлеб.

Солодухе Армия выковыряла мякиш и полила его подсолнечным маслом из бутылки. Остаток поделила с Севериной. Теперь Северина набила рот теплым хлебом и покачала головой – как вкусно! Доели сыр.

– А как на ровном береш-шку я пасу коровуш-шку... – тихо, почти шепотом, затанула Солодуха.

– А моя коровушка – девушка-молодушка... – поддержала ее тихонько тетка Армия. – А за ей пришел бычок – неказистый мужичок. Он сердитый и лихой, у ево зуб золотой... Ох, мамушка родная, не отдай за подлова-а-а...

Они затихли, думая о своем.

Северина спит, свернувшись калачиком на телогрейке. Спокойно и мощно дышит корова, ее живот поднимается-опускается, покачивая прислонившуюся Северину. Пахнет коровьим навозом, подсолнечным маслом и совсем чуть-чуть свежим хлебом.

– Замерзаю, однако, – подала голос Солодуха.

* * *

Северина открыла глаза и ничего понять не может – будто в мешке лежит. Кое-как руками разгреблась и увидела над собой Мурку: стоит, смотрит спокойно, без боли в глазах. Сама Северина лежит в козых шкурах – четыре насчитала. Пошла в дом. Обнаружила спящих за столом тетку Армию и Солодуху: лежат головами к пустой бутылке. Пили из чашек с синим ободком с позолотой – мамин чайный сервиз. Северина чашки вымыла, картошки начистила, поставила вариться. Сама – начеку, все прислушивается. Отнесла Мурке пойло. Корова пить не стала, стоит и слушает себя – что внутри.

Картошка сварилась. Северина полила ее маслом, нарезала мелко лучок с чесноком и посыпала сверху. Поставила на стол. Вкусный запах пошел на весь дом. Зашевелились женщины за столом. Головы подняли, посмотрели на кастрюлю с парком над ней, потом – друг на друга, как первый раз видят, потом – на Северину и быстро очнулись.

– Что? – удивилась Северина.

Ощупала голову, а платок пуховый весь в сене. Было заботы потом выковыривать, когда гости ушли. А ушли они сразу как пристыженные, и бутылку пустую унесли, и еще тетка Армия напоследок сказала, что посадит Солодуху на старости за поганое пойло. Так что Северина одна ела. Часов пять она в доме убирала да бегала к коровнику и обратно. Потом села и затихла. И вдруг представила слонов. Целое стадо. Идут не спеша и важно через их речку, а на берегу пасется корова Мурка, и слоны ее вежливо обходят. Хорошо стало Северине. Спокойно. А там и Любава со своим сожителем прикатили на санях. И ветеринара Колю привезли. Сани знатные – полозья спереди загнуты завитушкой, дерево отполировано, а на сиденье настоящая медвежья шкура лежит. Хозяин саней набросил на своего жеребца одеяло и пошел в дом картошку есть – еще теплая была, потому что Северина кастрюльку хорошенько укрыла. Любава побежала домой к матери Елке, которую не видела с понедельника, и еще баньку протопить – мужикам обещала. А ветеринар отдал Северине тулуп, сам пошел в коровник. Закатал там рукава, надел резиновый фартук, расстелил на лавке сумку-разворотку с инструментом страшным-престрашным и еще шприц заготовил. Мурка стоит как вкопанная – не шелохнется, а дышит часто. Ветеринар Коля послушал ее живот эндоскопом. Он Северине два года назад все инструменты показал, перечислил их названия и для чего нужны, потому что прочил ей по жизни ветеринарное будущее, но Северина запомнила только эндоскоп. Ветеринар Коля эндоскоп убрал, налил себе на руку из большого пузырька масло, как тетка Армия ночью. Потом подмигнул Северине и сказал:

– А завари-ка мне, девочка, чаю покрепче. Пачку моего грузинского на пол-литровую банку. Возьми в чемоданчике.

И Северине сразу стало хорошо и спокойно, как будто слоны прошли.

* * *

Феликс после посещения музея ночью не спал. Только глаза закроет, как тучи бабочек начинают кружиться над головой, засыпая его пылью. Тошно становилось и дышать нечем. Феликс стал «отстреливать» их взглядом – бабочки падали одна за другой, Мамонтов-младший уже в дреме представил мозг бабочки – не больше рисового зернышка... Дернулся и очнулся.

На рассвете, совсем измученный, он подошел к балконной двери, потому что голуби прилетели и начали гундеть. Стоял и с гримасой брезгливости на лице смотрел на пару голубей, постоянно гадящих на перила, которые с наступлением тепла приходилось драить металлической щеткой. Присмотрелся к голубю покрупнее. Птицы, вероятно, заметили человека сквозь стекло, затихли и устали на него – каждая одним глазом. Феликс попытался представить себе мозг голубя, даже вспомнил строение птичьего черепа. Голубь покрупнее покачулся, его глаз затянулся голубой пленкой, и птица комом свалилась на балкон. Второй голубь сразу улетел. Феликс открыл балконную дверь, с шумом отодрав при этом утеплитель с липучкой, и плохо соображая, усталый на валяющуюся без признаков жизни птицу. Выставил ногу и потрогал голубя шлепанцем. Закрыв балкон, не в состоянии оценить происходящее. Побрел в кухню, зевая и вздрагивая от воспоминания заплывающего пленкой птичьего глаза.

Пришлось позавтракать – в желудке начались странные спазмы, и голова сильно кружилась. Феликс решил, что это от недосыпания. Сделал гренки, порезал сыр, сварил кофе. Потом, удивляясь самому себе, достал еще яйца и вчерашнюю колбасу. Яичницу съел со сковороды, еще и куском булки вытер ее напоследок. Осмотрев стол с грязной посудой, Феликс решительно направился в ванную. Внимательно – сантиметр за сантиметром изучил свое лицо. По утрам он всегда ограничивался только чашкой кофе. Непонятный приступ голода навел его на размышления о переменах в организме. О грядущей полноте – его знакомые одногодки почти все сильно увеличились в объеме. Феликс гордился подтянутой стройной фигурой и как минимум раз в неделю созерцал себя голым в большом зеркале. Зеркало его пока не огорчало.

Пошатываясь, в коридор вышла болонка. Феликс увидел ее из ванной. Болонка прислонилась боком к стене и странно дергала ногой. Феликс вдруг понял, что она ужасно старая, но, как ни напрягался, не мог вспомнить, сколько ей лет. А если она сейчас умрет?.. Болонка, потоптавшись, направилась в спальню, оставив после себя на паркете темно-желтую лужу. Феликс схватил на тумбочке в коридоре газету, накрыл лужу и проследил за собачонкой. Болонка подошла к резной маленькой табуретке и вскарабкалась на нее. С табуретки – на пуфик в ногах кровати, с пуфика – на кровать, на фиолетовый шелк покрывала. Феликс подошел и наклонился, рассматривая болонку. От нее пахло духами и мочой.

Одеваясь, Феликс задержал дыхание и прислушался. Где-то внутри его тела двигалась кровь, пульсируя толчками в висках. Еще шумело в ушах, бурчало в животе, непривычном к утреннему наполнению. Феликс выдохнул и решительно подошел к кровати. Он не услышал дыхания болонки. Сел рядом в отчаянии от предчувствия смерти, и необходимости прикоснуться к собачонке, и вообще что-то делать с ее тушкой.

Зазвонил телефон. Феликс выждал восемь звонков, не двигаясь. Тишина, потом – все заново. Пришлось встать и взять трубку. Огаров, напарник Феликса по бизнесу, заикаясь, пытался объяснить, как их подставил «Уникум», с которым год назад был заключен договор о поставках.

– Мне по барабану, – сказал странно спокойный Феликс, – если ты меня сдал и скинул им информацию по сделкам. И если не сдал – тоже по барабану. Я через полчаса буду, попробуй успокоиться и придумать варианты выхода из ситуации. Для тебя и для меня.

Феликс сделал пару звонков и узнал, что он банкрот. Ничего не надо придумывать. В этот момент его больше всего волновал вопрос, что делать с болонкой. Странно, но ему казалось, что это гораздо важнее всего остального. Он подошел к кровати и убедился, что собачонка мертва. Она не дышала, из посмертного оскала сбоку рта свешивался кончик языка. Феликс взял болонку за лапы и вынес на балкон. Закрыв дверь, задернул занавеску. Уже сев за руль, он подумал, что похоронить болонку можно вместе с голубем, и даже улыбнулся, представив эту парочку на том свете – птица, летящая над семенящей с подскоками собачонкой.

В офисе его ждал уже изрядно выпивший Огаров. Поговорить толком не удалось. Феликс отобрал несколько папок с документами, остальные бумаги заложил в бумагорезку. Потом они

с Огаровым выпили по рюмочке, пригласили Светлану – бухгалтера, юриста и секретаря в одном лице – и выпили еще по одной. Пытались объяснить друг другу, как все случилось, но, в общем, просто по-русски бестолково мусолили два основных вопроса. Кто виноват, Феликса совсем не интересовало. Что делать дальше никто из троицы пока определиться не мог. Кооператив был зарегистрирован на группу товарищей из пяти человек – двое подставных. У присутствующей троицы потери были приблизительно одинаковы. Феликс присмотрелся к напарникам и не нашел в себе никакой обиды на их бестолковость, если все сорвалось из-за их глупости. Не нашел он и злости, если это было подстроено, и желания раскопать все и выяснить, как так получилось, тоже не было.

Зато было сильное желание позвонить отцу и узнать, сколько раз они переезжали. Огаров со Светкой ударились в воспоминания «как все начиналось», Феликс набрал номер отца.

Ему ответил тихий женский голос. Отец в больнице – адрес, номер отделения. Феликс заторопился. Попросил Огарова закрыть аренду помещения, он берет на себя склад. Огаров пьяно предлагал дружбу и сотрудничество, чтобы завертеть еще чего-нибудь. Светлана на прощание молча облизывала его щеку. Феликс автоматически отметил, что одной рюмки не хватило, чтобы окружавший его мир совсем обесцветился. Местами все посерело до состояния старой киноплёнки, но кое-где просвечивали краски: цвет помады на его щеке в зеркале автомобиля был свекольный.

* * *

В больнице он с удивлением осмотрелся в огромной дурно пахнущей палате. Насчитал двенадцать коек, потом увидел отца и пошел к нему. Странно, но его организм затаился, как недавно возле мертвой собачонки – никаких эмоций. Отец заметил его и слегка растянул рот в вынужденной улыбке, показывая на стул у кровати. Феликс сел и взял отца за руку.

– Что случилось?

– Сердце, – пожал тот плечами. – Печень, почки, суставы, сосуды... Одним словом, старость.

– А что врачи говорят?

– Пока ничего. Изучают анализы.

– Тебя сюда по «Скорой» привезли?

– Нет, я сам... Меня Феофания привезла на такси. И фамилия здесь у меня Скворцов, не удивляйся. У меня по жизни всегда было несколько паспортов.

– Можно тебя перевезти в нормальную больницу?

– Нельзя, – категорично ответил Мамонтов-старший. – Здесь у Феофании знакомая работает, она все сделает правильно. Сиди, не дергайся! – отец цепко захватил руку Феликса, не давая ему встать. – Куда собрался? С доктором беседовать? Что он тебе скажет? Если честный попадется, скажет, что мое тело больше не хочет жить. Если умный и голодный, назначит сумму, за которую меня перетащат в отдельную палату и прицепят к капельнице. Тебе, конечно... удобней изобразить заботу, деньги давать... А мне главное – умереть незаметно. Чтобы не попасть на разделочный стол для последующего изучения. Не дергайся. Завтра похоронишь меня по-тихому, Феофания все подготовит. Она тебе и место на кладбище покажет. Главное, чтобы девять дней мое тело не трогали. Потом все равно, потом – можно, потом – памятник, мое имя на нем... Да! Никаких поминок, я этого не люблю.

Феликс отнял свою руку, откинулся на спинку стула и уставился на отца с любопытством. Ему стало интересно, каким способом тот собирается уйти из жизни.

– Что смотришь? Умру естественной смертью в пятнадцать тридцать, – раздраженно подгадал его мысли отец.

– Почему не позвонил? – помимо воли улыбнулся Феликс.

– Феофания должна была тебе позвонить, как только...

– А попрощаться? – удивился Феликс. – Последнее слово... Напутствие какое-нибудь.

– Вчера в музее попрощались. Ты не заметил?

– Нет, – еще больше удивился Феликс. – Я как раз утром тебе позвонил, чтобы узнать, сколько раз мы переезжали.

– Три, – сразу же ответил Мамонтов-старший. – Ты что, не помнишь?

– Я помню, что переезжали. Я хотел узнать, это из-за меня или... – Феликс замялся.

– Из-за тебя, можешь не сомневаться.

Они замолчали. Феликс покосился на соседнюю кровать. Там совершенно неподвижно лежал старик с закрытыми глазами.

– Не смотри, он мертвый, – спокойно заметил отец. – Я уже нажал на эту кнопочку, должен врач прийти. Здесь то и дело кто-то умирает.

– Папа, почему я не могу провести твои последние часы рядом с тобой и в более приличном помещении? Зачем это показное убожество?

– Сиди тут, сколько хочешь. Только разговаривать нам особо не о чем. Рассказывать тебе в подробностях, после чего мы устраивали переезды, я не собираюсь. Все, что нужно, ты обо мне знаешь. Если хочешь, сам что-нибудь о себе расскажи.

Феликс задумался.

– Наш кооператив рухнул. Нужно искать работу...

– Ерунда, – перебил его отец. – Ерунда то, что ты говоришь. Это все несущественно. Ты даже не представляешь, насколько несущественно. Я тебе назвал точное время смерти, а ты собираешься потратить мои последние часы на обсуждение твоих мелких проблем. Теперь понимаешь, почему я ничего заранее не сказал?

– А на что ты собирался потратить свои последние часы? – спросил опешивший Феликс.

– На разговоры с Феофанией, конечно, – уверенно ответил Мамонтов-старший. – Ее сейчас нет, потому что она поехала в квартиру за моими вещами.

– Ты что, вообще не собирался мне ничего сказать? Завещание, последняя воля... я не знаю... в конце концов, это дико! – рассердился Феликс.

– Завещание мое найдешь в квартире или узнаешь у нотариуса, воли у меня больше никакой нет, потому и умираю. Напутствий тебе я давать не имею права, если доживешь обычным человеком, буду рад, если нет... Уж чему быть, того, как видно, не миновать. На этот счет я тебе записочку оставил.

– Записочку? И где она? – разошелся Феликс.

– Тут, – отец открыл ящик тумбочки и достал свернутую бумажку.

Протянул сыну.

Феликс несколько секунд тупо смотрел на свое имя, написанное чернилами. Развернул бумажку. Семь цифр.

– Что это? Номер телефона?

– Точно, – кивнул отец. – Если заподозришь у себя некоторые странности, испугаешься сделанного или захочешь резко изменить свою жизнь... В общем, лучше позвонить туда, чем попасть в психушку.

– Вот спасибо, папа, – съерничал Феликс, вставая и кланяясь.

– Вот уж не за что, сынок, – серьезно сказал Мамонтов-старший.

* * *

В половине третьего Феликс сидел в коридоре на стуле и неотрывно смотрел сквозь стеклянную стену в палату. Койка отца просматривается плохо, зато хорошо видна фигура женщины возле нее. Феофания в черном, и платочек на седых волосах – черный, кружевной. Феликс иногда начинал заваливаться на стуле, потом встрепенется и дико осматривается, приходя в себя. Он устал до полного бесчувствия и не в состоянии объяснить самому себе, что здесь делает. Ждет половины четвертого?.. Чтобы – что? Допустим, он настоит и заберет отца домой, если тот не умрет... Домой – это куда? Допустим, в квартиру отца. И что дальше? Жить

вместе они не смогут. Завалившись в какой-то момент совсем низко, Феликс почти упал, едва успел упереться ладонью в пол.

Он встал и прошелся по коридору. Абсурдность ситуации его уже не забавляла, он решил принять какое-то решение. Например, ограничить себя во времени. На круглых больничных часах было три двадцать. В три сорок – решил Феликс – он уйдет по делам, а потом после пяти еще раз заедет сюда и обсудит с отцом, куда тот хочет поехать. Три двадцать три. Феликс выбрал удобную позицию и смотрел сквозь стекло на профиль отца – изголовье кровати поднято, отец полусидит и внимательно, с напряженным лицом слушает Феофанию. Феликс вздохнул: что можно слушать с таким вниманием в шестьдесят девять лет? Женщина по ходу разговора с легкой улыбочкой протягивает к лицу отца свои руки – почему-то сжав их в кулаки. Открывает правый, и Феликс вздрагивает – у нее на ладони он отчетливо видит зеленую изящную ящерицу, дергающую тонким игольным хвостиком. Ящерица быстрым скольльзящим движением забирается... в ноздрю отца.

Феликс закрыл лицо ладонями, потом отхлестал себя по щекам. Отдышался, осмотрелся и понял, что пропустил второй фокус – обе ладони Феофании уже были пусты. Она гладила отца по щекам, а потом тем же спокойным и ласковым движением опустила его веки. Феликс невольно улыбнулся, и только когда женщина встала, понял, что отец умер. Помимо воли, рефлекторно, он посмотрел на часы. Три часа тридцать минут. Феликс вошел в палату, низко наклонился над отцом, прислушиваясь. В лице Мамонтова-старшего ничего не изменилось – тот же напряженный интерес. Подошел врач, потеснил Феликса, осмотрел тело и накрыл лицо отца одеялом.

– Не надо, – нервно и громко воспротивился Феликс. – У него ящерица в голове. Зеленая. Не надо закрывать лицо.

Врач захватил его запястье, с ходу нащупав пульс.

– Вы – сын?

– Сын.

– Пили с утра?

– Что?.. Нет, это не то, что вы...

– Выпейте еще.

И ушел.

* * *

Феликс стоит на кладбище у свежей могилы и считает стрекоз. Восемь, девять... десять... Пошел снег. Стрекозы улетели. У могилы отца стоят трое – он, Феофания и копатель с лопатой. На черенке лопаты застыла последняя стрекоза. Феликс хотел сморгнуть видение, не получилось. Он стоял и равнодушно смотрел, как сначала медленно осыпаются перламутровой крошкой ее крылья, потом – длинное тельце...

– Не могу ничего есть, – зачем-то говорит Феликс старой женщине. – Как вчера с утра нажрался... А быстро вы это все устроили – кладбище, похороны...

Феофания молча берет его под руку.

– Ну что вы, Феликс, – тихо говорит она, – я как могу замедляю время. Сколько сил хватает.

– И давно это... у вас? – осторожно интересуется Феликс, стараясь потактичней освободить свой локоть.

– Тридцать-сорок тысяч лет – это давно? – она останавливается, смотрит снизу и вдруг спрашивает: – Вам нужна жена?

Феликс задумался на несколько секунд, потом отчаянно замотал головой.

– Нет, спасибо, нет!..

Он, наконец, освободил руку и отошел на пару шагов.

– Тогда я пойду? – Феофания отворачивает от снега лицо, захватывает платок под подбородком. На пальцах у нее крупные перстни, один с янтарем. В янтаре застыло какое-то насекомое.

– Заходите ко мне в музей. Чаю попьем, – она уходит к воротам, оборачивается. – Придете?

– Не знаю... Я видел, как вы там... бабочек выпустили. – Феликс подумал и решился: – Я вас боюсь.

– Да нет, – улыбнулась Феофания, – просто вы меня сейчас не узнали. А шестьдесят три года назад сразу узнали.

– Это не я, это отец, ему шесть лет тогда было, он мне рассказывал, – поспешил с объяснениями Феликс.

– Вы одно и то же, – сказала Феофания и ушла, исчезнув за несколько шагов от него в крошечном снегу.

* * *

Поминок не было. Феликс, вернувшись домой с кладбища, свалился на кровать в тягучем сне и проспал больше суток. Проснулся он от солнца в лицо. Долго ходил туда-сюда по квартире, пытаясь справиться с хаосом в голове. Добрел до балконной двери и увидел, что на перилах сидит парочка ворон и примеривается к чему-то на балконе. Несколько секунд Феликс просто наблюдал, как вороны вытягивают головы, распрямляют крылья, чтобы спуститься, но что-то им мешает. И только разглядев внизу еще одну ворону, потрошащую тушку мертвого голубя, Феликс дернулся и шепотом приказал: «Кыш!» Первое движение было – открыть балконную дверь и прогнать ворон. Он уже и руку протянул, потом замер и в странном оцепенении стал смотреть на парочку птиц на перилах. Через несколько секунд одна птица свалилась на балкон, а вторая упала вниз. Феликс напрягся, поджидая реакцию третьей вороны, плохо видной внизу. Вот она взлетела, зависла над перилами, не решаясь сесть... Шлеп! Эта тоже свалилась на балкон. Феликс открыл дверь и убедился, что замерзшая тушка болонки не тронута. Закрыв дверь и ощутил, что... сильно проголодался. Он поспешил одеться, чувствуя странное возбуждение и опасность. Как в западне. Проходя мимо канарейки, дернулся на движение у лица – птица в клетке на его глазах порхнула и упала на опилки, скрючив в последней судороге лапки с коготками. Феликс равнодушно занялся одеждой и позвонил другу – бывшему коллеге из НИИ.

Коллега позвонил своей жене на работу, жена-биолог перезвонила Феликсу и через сорок минут они встретились в ресторане. Феликс был так голоден, что некоторое время не мог говорить – только набивал рот и мычал. Его друг, переглянувшись с женой, тактично удалились «покурить». Когда они вернулись, Феликс кое-как пришел в себя, вытер руки и лицо вокруг рта и уже спокойно приступил к десерту, наблюдая, как едят его гости.

– Ты так разоришься на застольях, богатенький Буратино, – заметил друг. – Уж извини, не могу еду оставить, подъем все! Ты говори, не стесняйся. У жены обеденный перерыв сорок пять минут. Успеешь?

– Запросто, – кивнул Феликс. – Тема такая. Вокруг меня все дохнут, как мухи. То есть конкретно о мухах я как раз не могу ничего сказать. А вот птички... некоторые... – Феликс задумался. – Болонка моя, конечно, могла и от старости сдохнуть. Отец, опять же, умер...

Супруги перестали есть и переглянулись.

– Нет, не подумайте ничего такого, – усмехнулся Феликс, – отец умер по расписанию. Сказал, что умрет в половине четвертого, так и было, а вот птички...

– Когда умер твой отец? – спросил друг.

– А какое сегодня число? – задумался Феликс.

– Все ясно, – сказала жена друга Наталья. – Давай конкретно по теме. Судя по твоему аппетиту, ты вполне здоров. Что там было по телефону о биологическом материале?

– Материал?.. Вот... – Феликс подтолкнул ногой спортивную сумку на молнии.

Наталья тронула сумку рукой. Посмотрела на Феликса и кивнула. Он наклонился, открыл молнию и пошире раздвинул края сумки, чтобы было лучше видно. Наталья изменилась в лице. Заметив это, ее муж встал и через стол тоже заглянул в сумку на полу. Сел, выскреб ложкой из вазочки последнюю красную икру, уложил ее горкой на булочке. Наталья и Феликс заворуженно проследили, как он закладывает булочку в рот.

– Прекрати жрать! – не выдержала Наталья. – Лучше спроси у Лекса, где он это насоби-рал.

– Лекс, где ты взял столько дохлых птиц? – спросил друг.

– На балконе, – спокойно ответил Феликс. – Сначала – голубь, потом я туда же болонку вынес, чтобы полежала, пока придумаю, где ее похоронить. А потом на мертвечинку прилетели вороны, и... тоже... Канарейка могла и от голода свалиться, я про нее совсем забыл. Это не моя птица, ее Фея притащила, а потом...

– Ты поругался с Феей, – не то спросила, не то утвердительно заметила Наталья. – С этой шикарной белотелой касаткой?

– Нет, не ругался... – пожал плечами Феликс.

– Ясно, давай закругляться. Что мне с этим делать? – Наталья тронула сумку ногой.

– Исследовать! – удивился он ее непониманию.

– На предмет чего? – подалась к нему Наталья. – Я работаю в лаборатории вирусологии.

– Ну вот, – кивнул Феликс, отводя глаза. – Определи, пожалуйста, от чего это все... сдохло, а то мне как-то не по себе.

– Лекс! – возмутилась Наталья. – Тебе не по себе, а я-то как затащу это в лабораторию?! Кто мне разрешит проводить исследования?

– Я об этом подумал, – поднял на нее глаза Феликс. – Я бумагу заготовил. От нашего кооператива. Спецзаказ на исследование биологического материала. С соответствующей оплатой. Печати, подпись, все такое. Только ты формулировку и нюансы сама продумай.

Наталья посмотрела на бумагу. Потом – растерянно – на мужа.

– Голова! – восхитился тот. – Лекс всегда отличался прикладным умом.

– А если пернатые сдохли от какого-то птичьего вируса? – предположила Наталья. – Еще неизвестного? Знаешь, чем это грозит? Весь твой кооператив в принудительном порядке поместят в карантин!

– Нет больше кооператива, – спокойно заметил Феликс. – Я банкрот.

– Ну?! – поразился друг. – И чем думаешь заняться?

– Это зависит от результатов работы твоей жены, – ответил Феликс.

* * *

Фея в девяносто втором училась на третьем курсе факультета журналистики МГУ и всем своим внешним видом категорически опровергала устоявшийся стереотип студентки и уж тем более – журналистки. Она была немногословна, медлительна и пышногрудая, с длинными русалочьими глазами, словно застывшими в подводной дреме, – чтобы переместить взгляд, Фея каждый раз прикрывала веки, скрывая движение зрачков, отчего у собеседника появлялось ощущение, что он потихоньку тонет.

Заметив Феликса как-то ночью в кухне своей квартиры – родители собрали друзей есть селедку при свечах и вспоминать студенческие годы, – Фея забыла о своем врожденном переутомлении жизнью и жадно обшарила его глазами, ни разу не прикрыв веки. Ее родителей так поразила Феина горячность, что они поспешно распрощались с душой компании – мамонтом Лексом, но ей это не помешало найти Феликса уже через неделю и переспать с ним в тот же вечер. Ранний ребенок, она к своим двадцати годам была гораздо взрослее родителей, поскольку преобладающим стимулом ее существования был инстинкт размножения.

Осмотреть квартиру и оценить приблизительный уровень материального благосостояния Мамонтова-старшего Фея пришла через три месяца после первой встречи с Лексом. Она соврала отцу Феликса о беременности, более того, определив по мебели, картинам и дорогим безделушкам уровень благосостояния Мамонтова-старшего как вполне достаточный, Фея решила продолжать пользоваться противозачаточными таблетками и не форсировать события. Делать сейчас из выбранного самца мужа и добытчика было ни к чему, пусть пока самоутверждается по собственному усмотрению, и у нее будет время спокойно закончить учебу. А в том, что Фекликс никуда не денется, несмотря на предоставленную ими друг другу свободу выбора, Фея была уверена. Она интуитивно прикинула возраст, когда Феликс слегка подустанет от этой свободы – после сорока, а у нее к тому времени как раз подоспеет диплом, и к великолепному телу, рассудительности, немногословности и почти иконописной красоте лица, добавится еще и высшее образование. Рассудительность Феи иногда отдавала равнодушием к возникающим проблемам, например, к изменам Феликса, но ему и в голову не приходило поразмыслить над этим, потому что любовь еще ни разу не обжигала до обнаженного эпителия чувств. Мамонтов-младший, дожив почти до сорока лет, в силу мужского эгоцентризма считал такое спокойствие Феи в отношении его измен большим достоинством и даже прилагал некоторые усилия для сохранения их связи (когда Фея для затравки изображала уж совсем безысходную грусть), к чему раньше с другими женщинами никогда не стремился...

Узнав о смерти канарейки, Фея тут же купила двух волнистых попугайчиков. Но Феликс поставил непереносимое условие: никакой живности в квартире, а если она не может без птичек, то должна сделать выбор между ним и пернатыми.

Попугайчики вернулись в магазин «Природа».

Феликс никогда не говорил с Феей об отце, о ее посещении квартиры Мамонтова-старшего и о гипотетической беременности, он высоко ценил умение этой женщины решать свои проблемы самой и молча. Фея догадывалась, что Мамонтов-старший проговорился сыну о визите, ее забавляло и вполне устраивало молчание Лекса на эту тему.

Фея собиралась родить этому великолепному мужчине трех сыновей. Она вообще предпочитала мужское общество женскому, и мысли о том, как трое мальчишек будут взрастать в ее руках, расти и мужать телом, наполняли ее гордостью и предчувствием особого счастья.

* * *

Северина загрустила, когда к концу зимы задул западный ветер, и стала часто ходить к Елке – матери Любавы. Елка оставалась одна с вечера воскресенья до вечера пятницы. Северине она была рада, называла ее ласково утелькой. Рассказывала всякие истории, забредая почти всегда из реальности в воображаемое, а воображение у Елки было больным, как сказала Любава. Ее мать давным-давно свихнулась от любви.

Северина по совету тетки Армии, который отдавал приказом, должна была для общего развития посещать всех жителей Полутьмы, чтобы получать всестороннее представление о жизни. А жители должны были подробно описывать девочке разные истории, а которые совсем к рассказам были неохочи, такие, как Кукушка, – учить ее шитью и готовке или смотреть телевизор с обязательными при этом комментариями.

Исключение составляли близнецы Кикиморы, старушки под семьдесят, которые после того как их внука-подростка волки съели, тоже сильно ушли в воображение и печаль. К ним Северина шла помолчать и на угощение. Приходила с книжкой, чаще всего это был учебник, и читала про себя, пока старухи потихоньку по очереди плакали, глядя на девочку. До Северины не сразу дошло, что это такая реакция на книжку. От внука Кикимор на опушке остались клочья одежды, лыжи, порванный ранец, и книжки под деревом, на котором он пытался отосидеться, да не смог – замерз и свалился. Пришлось прекратить чтение. Северина просто сидела и смотрела на старушек, тогда они не плакали, а – наоборот – улыбались нежно и бессмысленно. Северина поначалу пыталась с ними разговаривать, но получалось совсем уныло.

От звука ее голоса старушки замирали, переглядывались, как от большого чуда, и начинали петь псалмы тонкими дрожащими голосами. Потихоньку Северина приспособилась к странностям Кикимор, старушки постепенно перестали плакать и научили девочку прясть, общаясь с нею жестами как с глухонемой, и вышивать крестиком. У них одних в поселке всегда были конфеты и печенье, Кикиморы заготавливали сладости, чтобы угощать детей на день рождения внука, на день его смерти, на «первый зубок», на крестины, на поминальный день, на день ангела – всего не упомнишь. Из детишек в Полутьме осталась одна Северина, ей и скармливались запасы сладкого, которые всегда тщательно пополнялись летом, когда на станции в шести километрах от поселка открывался магазин для дачников.

Северина не ходила ни к Бугаеву, ни к Немцу. Сложилось так само собой: ей не хотелось. Мужчины иногда заходили в тот дом, где гостевала Северина, сидели недолго, напоследок говорили что-нибудь важное, типа: «Если не будешь уважать Родину, вырастешь проституткой» – это Бугаев. Или: «Учиться тебе надо, а не тут сидеть, чтобы всю жизнь в навозе не копаться» – это Немец.

Северина не имела ничего против навоза. Навоз – это корова, а корова – это очень хорошо. Это – еда, красота и сила.

И вот как раз в среду, когда Елка рассказывала Северине невероятную историю о любви военнопленного немца к женщине-друиду – тут недалеко, под Сурками, в рабочем поселке это было, – вдруг приехала Любава, а с нею, кроме хозяина жеребца с санями, женщина молодая и незнакомая. Любава не побежала как обычно топить баньку, быстро выложила из сумки продукты, увела Северину в дальнюю комнату и еще плотно закрыла двери. Так Северина и не успела узнать, кто такие друиды.

Темнело уже – окошки посинели. Любава нервничала и подбирала слова, а Северина вдруг испугалась, как будто ее судьба должна решиться.

– Помнишь, как ты проверяла, есть ли у Мурки теленок в животе? – перешла к делу Любава.

– Чтобы ее лишний раз не вести к быку? – почему-то шепотом спросила Северина.

– Правильно. Чтобы лишний раз не покрывать. Помнишь?

– Помню. Теленок не образовался, ты привезла Колю, и он шприцем все сделал вместо быка.

– Молодец, – улыбнулась Любава и, не выдержав пристального взгляда девочки, обхватила ее голову рукой и прижала к груди, чтобы укрыться от ее глаз. – Севка, помоги моей двоюродной племяннице. Ей такое счастье подвалило – жених иностранец образовался, а она боится, что забеременела.

– Жених не хочет ребеночка? – подняла голову Северина.

– Да не от него ребеночек! – выдохнула отчаяние Любава, отстранилась от Северины, села к столу и обхватила себя за плечи. – Она же дура еще совсем – девятнадцать лет, что она понимает! Пойду на аборт, говорит, и никто меня не остановит! Ой, дура-а-а! Я такая же была, мне Елка не указ!.. Она сильно просила родить ребеночка. А теперь – что? Выхолощенная живу после того аборта! И эта дура может остаться на всю жизнь пустой. Если ты не поможешь, она все одно пойдет под чистку.

– Я?.. – от неожиданности Северина облокотилась на кровать – с высокой периной и горой подушек.

– Ты не думай ни о чем, он там еще и не ребеночек вовсе, это вроде зародыша на курином желтке, не больше четырех недель.

– Я знаю, как выглядит четырехнедельный человеческий зародыш, – закрылась руками Северина, словно Любава посветила ей в лицо фонариком.

– Как это – знаешь?.. Ты уже такое видела?.. – опешила Любава.

– Видела. В книжке. Называется общая биология. У него есть глаза, жабры и хвост.

– Хвост?.. – Любава схватила себя рукой за горло.

– Я не смогу, – помотала головой Северина. – Это же не опухоль, не нарыв. Это же... не рассосется... Я не знаю, что с таким делать!

Любава со стула сползла на пол и пошла на коленях к Северине.

– А ты с ним поговори. Как ты говоришь с болезнью? Скажи, пусть уходит, раз он не нужен этой дуре. А то ведь соскребут его. А ты... знаешь что, посмотри сначала, ладно? – уговаривала она девочку, глядя ее ладонью по спине. – А как посмотришь, так сама и реши, ладно? Нет – так нет. Посмотри, заодно и узнаешь, правильно ли в книжке нарисовано, а?

– Да что я – насквозь вижу что ли? – невольно улыбнулась Северина. – Я это чувствую... нет, не могу объяснить!

– А я тебе любую книжку привезу. У нас, знаешь что?.. У нас на свалку скинули целых два самосвала добра после пожара. А там книжки старинные есть, некоторые совсем чуток обгорели. Я ведь не особо читаю, а отгребла несколько. Ничего, что без обложек, там люди изображены в разрезах и надписи медицинские, как чего называется. А год, знаешь какой? Тыща восемьсот пятьдесят пятый!

– Тогда уже были книжки? – поразилась Северина.

– Так я позову Шурочку? – встала с пола Любава.

* * *

Шурочка вошла бесшумно и застыла у порога. Полненькая, ладная, хоть и невысокая, беленькая, с чистыми глазами, на все готовая. Такая она стояла отчаянно готовая, что Северина сразу почувствовала себя старше и умней.

– Садись, – сказала, – не стой у порога. У порога и у черта два рога.

– Я помню, – улыбнулась Шурочка. – Так Солодуха говорит: «А под иконой в избе его не видно нигде». Ты, это... Ты не думай, я не злая. Просто выбраться хочу, пожить сытно с добрым мужиком. Ты только глянь, есть там чего, а то я к врачу идти боюсь – сразу поставит на учет по беременности, если залетела... У нас ведь на заводе и к врачу этому лишний раз не сходишь – а ну как все узнают?..

– Ты что, сама не чувствуешь?.. – удивилась Северина.

– Нет, – ответила Шурочка. – Я только боюсь, что у меня месячных нет, а чувствовать – не чувствую, – она вдруг решительно шагнула к столу, задирая на ходу свитер вверх, к подбородку.

Северина увидела надвигающийся на нее пупок и – само собой как-то вышло – положила на него руку. Закрыла ладонь. И Северину озарило. Как будто изнутри светом обожгло. Первый раз она вдруг поняла, *что* умеет. До этого – с животными и старухами – вроде игры было. От жара внутри Северина задохнулась, руку отняла и забилась в угол. Села, скорчившись, на пол, зашибленная своей причастностью к божьему промыслу. Шурочка испугалась, бросилась к девочке, хотела ее приласкать, успокоить, что сама все решит, а Северина голову подняла, Шурочка и отшатнулась. Смотрела Северина сквозь нее далеко-далеко, совсем чужая и потрясенная.

– Чего там?.. – шепотом спросила Шурочка.

– Ничего, – тоже шепотом ответила Северина. – Там не человек еще был. А теперь – ничего...

– Не человек? – Шурочка стала на коленки, вглядываясь в пустые глаза девочки. – А кто? – спросила она с ужасом.

– Такое... с ноготь, еще даже без сердца. Значит, не больше трех недель. Так в учебнике было написано. Сердце – после четырех недель.

Дверь в комнату открылась. Вошла Армия. Отстранив Шурочку, силой подняла Северину за руку и приказала:

– А ну, марш домой! Загостились тут.

– Даже сердца еще не было, и глаз не было!.. – возбужденно объясняла Северина. – Не больше сантиметра!

– Домой! – подтолкнула ее к двери Армия.

Любава быстро накинула на девочку ватник и платок. Вывела ее на крыльцо. Вернувшись, стала перед Армией – руки в боки. Шурочка с Елкой быстренько ушли в дальнюю комнату.

Женщины стояли друг перед другом минуты две. Армия, стиснув зубы, внимательно изучала лицо Любавы – сантиметр за сантиметром. Любава трусила, но вида старалась не подавать, напряженно, откинув голову назад, смотрела в глаза Армии с вызовом и напором. Первой заговорила Армия:

– Кто еще знает, кроме твоей племянницы?

– Никто! – как выплюнула Любава.

– Мужики своему сказала, зачем Шурку привезла?

– Нет!

Армия выдохнула, прошлась по комнате и села у окна на лавку. Любава осторожно присела на расстоянии.

– Тварь ты поганая, – уже беззлобно заметила Армия.

– И сучка бездетная, – добавила Любава.

– Ну вот что, Любава, ты меня знаешь, я что обещаю – всегда выполняю. Если привезешь сюда еще кого по этому делу, я тебя пристрелю. Отведу в лес и пристрелю. Остальное волки доделают. Хочешь так подохнуть?

– Пристрели меня, Армия, мать наша...

* * *

В доме у Северины темно. Дверь не заперта. Армия затопала в коридоре, зашумела.

– Чего дверь не закрываешь? Почему темно?

– Сплю я, – отозвалась с печки Северина.

– Спит она... – Армия зажгла свет и подошла к печке.

Ее голова оказалась как раз рядом с головой девочки. Северина положила подбородок на руки и смотрела на тетку Армию горящими глазами. Ее лихорадило, а глаза сияли.

– Нельзя так, – укоризненно сказала Армия. – Нельзя делать все, о чем тебя просят. Ты ж не дура, зачем откликаешься каждому?

Северина задумалась, потом неуверенно сказала:

– Мне, наверное, интересно, как все устроено...

– Интересно ей! – повысила голос Армия. – Сколько раз говорено, что ты хорониться должна! Вот вырастешь, паспорт поимеешь, иди на все четыре стороны, расстилайся половицей под любой сапог. А пока – сиди тихо и не высовывайся! Севка, – перешла она на доверительный тон, – ты не можешь решать такое, не божеское это дело. Нельзя эту тяжесть на душу брать – не отмолишься ведь.

– Тетка Армия, – прищурилась Северина, – ты всегда говорила, что религия – опий для народа.

– Религия – ерунда! Твоя же душа тебе покоя не даст! Интересно ей, видите ли!.. – Армия прошлась по комнате.

– Все нормально. Я заговор сказала, чтобы пустоты не образовалось, – тихо ответила на это Северина.

– Тьфу – твой заговор! – рассердилась тетка Армия. – Как бабка дремучая рассуждаешь!

– Ничего не тьфу! – рассердилась и Северина. – Заговор важный, мне его мама сказала, чтобы пустоты не образовалось, когда человек нерожденный исчезает. Потому что пустота может все в себя засосать. И не будет тогда ни людей, ни зверей, ни земли самой не будет!

Тетка Армия подошла к печке, приблизила свое лицо к лицу девочки:

– Севка, твоя мать хоть и была акушерка, но не умела делать того, что ты умеешь.

– А чего я умею? Армия, я снегиря замерзшего нашла. Помнишь, в фильме «Морозко»? Настенька взяла птичку заледеневшую, погрела ее в руках, птичка и ожила.

– И что?.. – спросила Армия.

– Я когда этот фильм увидела, мне пять лет было. Я сильно захотела всех оживлять... Сильно-сильно! – Северина замолчала.

– И что? – повысила голос Армия.

– Ничего! Не ожил снегирь. Я его в ладонях долго держала, а он мертвый остался.

– Слава богу, не допустил! – громко объявила Армия и первый раз на глазах Северины показательно перекрестилась. – Знаешь, Севка, ты уж о мертвых-то не радей, не твоя это территория. У мертвых свои законы, думай о живых. Что за заговор такой, говори.

– Зачем тебе? – напряглась Северина.

– На всякий случай. Глядишь, уверую.

Северина приподнимает голову с настороженным серьезным лицом и шепчет:

– Ни зверь не родись, человек не родись, ангелом не возвысь, чертом не определись, умри-воскреси!

Тетка Армия протягивает руку, гладит девочку по голове, потом прижимает ее голову к подушке.

– Спи, спасительница ты наша.

* * *

Феликс выждал девять дней после похорон и поехал в квартиру отца. День был пасмурный, на улице – чуть ниже нуля. Феликс брел не спеша от метро, разглядывая прохожих и удивляясь разнообразию лиц. В автомобиле невозможно увидеть столько физиономий, Феликс поразился желанию многих встречных выдержать его взгляд с показной напористостью, а две женщины улыбнулись – как ему показалось – с участием.

В прихожей он с порога сразу сел на удобно стоявшую у двери тумбочку. Осмотрелся. Пахло, как всегда в квартире отца, чем-то странным – то ли сандаловыми палочками, то ли лекарствами. Феликс наклонился снять обувь и влип взглядом в грязный след на полу. Чуть дальше – еще один. Кто-то с большим размером обуви оставил на паркете совсем недавно подтаявшие остатки грязного снега. Феликс прислушался: тихая возня в кухне – шуршат пакеты. Он не стал разуваться и на цыпочках прошел по коридору. Заглянул в комнату. На кресле валялось брошенное мужское пальто, поверх него – мохеровый шарф. Дойдя до кухонного проема – аркой, Феликс несколько секунд рассматривал высокого мужчину с густой шевелюрой, который стоял у подоконника и изучал коммунальные платежки – Феликс узнал пакет, в котором отец их хранил. Не поворачиваясь, мужчина спокойно предложил:

– Проходите, не стесняйтесь. Я здесь по службе.

И, развернувшись, выставил перед собой в ладони удостоверение. Феликс послушно шагнул в кухню и даже успел захватить смазанным взглядом кое-какие надписи типа «...государственной безопасности... отдел № ...» до того, как незнакомец с громким звуком захлопнул свое удостоверение.

– Феликс Мамонтов ваш отец, если не ошибаюсь?

– Да... Мы одноименцы и однофамильцы... – растерянно объяснил Феликс. – А как вы вошли?

– Служба, – лаконично объяснил незнакомец.

– Извините, я могу еще раз посмотреть на ваше удостоверение? – решил Феликс. – Я не успел прочесть имя.

– Алексей, – с готовностью доложил посетитель, не собираясь ничего показывать. – Вы располагаетесь, я здесь надолго. За день не управлюсь.

Он выдвинул ящик кухонного стола, вернул на место пакет с платежками и сосредоточенно стал изучать содержимое следующего ящика. Когда этот... Алексей достал маленький

фотоаппарат и стал фотографировать вилки-ложки и ножи в этом ящике, Феликс обнаружил в себе гнетущее чувство тревоги и раздражения. И попросил назвать номер телефона, по которому ему смогут подтвердить полномочия присутствующего.

– А разве вам отец не оставил номерочек? – насмешливо поинтересовался посетитель.

Феликс решительно прошел в большую комнату к телефону и набрал ноль-два. Слушая долгие гудки, он не заметил, как незванный гость подошел сзади и нажал кнопку на аппарате. Феликс резко повернулся. Мужчина с силой выдернул у него из руки трубку и положил ее на телефон.

– Вы какой-то дикий, Феликс Феликсович, – участливо сказал он. – Хотите испортить мне работу приходом участкового? Или вообще решили вызвать опергруппу на ограбление? Неужели вам папаша не оставил номер телефона? – И вдруг крикнул громко и визгливо: – Сидеть!

Феликс от неожиданности дрогнул в коленках и после толчка в грудь плюхнулся в кресло позади себя. Переждав несколько сильных ударов сердца, он медленно поднял голову, но почему-то при этом закрыл глаза – мысль встретить наглый холодный взгляд посетителя была невыносимой. Раздался странный шум, как будто резко отодвинули второе кресло. Когда Феликс все же открыл глаза, он никого не увидел, пока не опустил голову вниз. Мужчина лежал перед ним на полу с неудобно вывернутой шеей. Падая, он свалился мимо кресла. Феликс замер и просидел неподвижно над телом так долго, что затекла спина. Тогда он наклонился и вытащил из внутреннего кармана пиджака удостоверение. Изучил его. Вернул на место. Решился и внимательно рассмотрел открытые глаза валяющегося капитана службы безопасности. Глаза очень напоминали рыбы из ухи – ни зрачка, ни радужной оболочки не было видно, сплошной белесый отек. Как и вареные рыбы, они чуть увеличились и выступили из глазниц.

Феликс добежал до туалета, где его вырвало. Побродив после этого бесцельно по квартире, он порывлся в письменном столе отца и нашел папку с завещанием. В папке еще был крестик на бечевке. Крупный, без излишеств – два параллелепипеда из белого металла с четкими углами. На перекрестье выгравирован круг с палочкой посередине – простое «Ф». Он никогда не видел, чтобы отец носил крест. Отложив его, Феликс занялся завещанием. Сел за стол, все еще в пальто, и прочитал завещание. На исследование и реабилитацию пациентов лаборатории биоинформации и аномальных явлений отец завещал свои вклады. Все остальное имущество, кроме дома в деревне с участком в полгектара, отписывалось сыну Феликсу. Дом и землю в деревне Полутьма Архангельской области он оставил Феофании Лауренти-Крафт в «ее вечное пользование». Это уточнение рассмешило Феликса, как и фамилия смотрительницы музея, а уж что говорить о названии деревни!.. Феликс не знал, что у отца есть земля и дом. Порывшись в других документах, он очень удивился, обнаружив, что отец буквально в этом году оформил землю и строение в Архангельской области по новым требованиям. Из старых бумаг следовало, что дом был им приобретен у некоего Крафта десять лет назад и, судя по фамилии, это был кто-то из родни Феофании.

«Муж?..» – задумался Феликс, разглядывая на ковре ноги капитана в дорогих ботинках. Дочка дворника по имени Феня имела девичью фамилию Лауренти?.. Сложно это представить. Вероятно, Лауренти – первый муж... Итальянская фамилия... Итальянские ботинки, носки – в тон...

Ботинки вернули Феликса к проблеме – куда девать тело? Как-то само собой получилось, что он подошел к балконной двери и открыл ее. Балкон был застеклен и изрядно захламлен. Но Феликс нашел место, куда приткнуть тело. Капитана государственной безопасности Алексея пришлось посадить и даже согнуть ему ноги в коленях, после чего он почти целиком прикрылся своим же пальто. Феликс завалил его сверху полуоткрытой раскладушкой и открыл все окна.

В состоянии полнейшей апатии Феликс вернулся в комнату, тщательно закрыв за собой балконную дверь. Осмотрел шкапулку, где отец хранил деньги на ежедневные расходы, и вто-

рой том всемирной энциклопедии для записок покрупнее. К его удивлению, набралась большая сумма – только долларов около пяти тысяч. Феликс подумал, что отец жил в общем-то неплохо, ни в чем себе не отказывал, и у него на душе стало спокойно, что он не доставал отца своими проблемами и никогда не просил денег.

Проходя по коридору в пятый-шестой раз, Феликс обнаружил, что вспотел и хочет есть. Он снял пальто, но из еды ограничился бутербродом с сыром, выбросив заодно кое-какие просроченные запасы. Необходимость что-то решать и найти приемлемый выход из ситуации «с рыбьими глазами» начала его угнетать. Феликс сел за телефон и позвонил Наталье. Хорошая новость – биоматериал не имеет ни одного из известных вирусных штаммов, если не считать некоторых голубиных. Плохая новость...

В этом месте Феликс решительно перебил Наталью и попросил плохую новость выложить либо в кафе, либо в магазине женского белья, где она может выбрать себе чего захочет в пределах приемлемой для ее душевного спокойствия суммы. К удивлению Феликса, Наталья предложила встретиться в его квартире, и сказала, что для его душевного спокойствия они придут вдвоем с мужем.

Таким образом необходимость что-то срочно решать отпала до вечера. Зазвонил телефон. Феликс дернулся было взять трубку, но потом очнулся и выдернул провод из розетки. Нужно было уходить. За капитаном могли приехать коллеги... Феликс встал, кое-как добрался до дивана и свалился, не в силах даже подтянуть ноги. Заснул на боку со спущенными ногами, заметив краем глаза, что на спинке кресла остался мохеровый шарф.

Звук открываемого замка. Феликс, дернувшись, садится и не сразу соображает, где он. В комнату входит мужчина средних лет и смотрит в его ополоумевшее лицо, не отводя взгляда, кричит:

– Лешка! Ты где?

Не дождавшись ответа, подходит к дивану, смотрит на Феликса вблизи. Феликс зажмурился и приготовился к худшему. Он постарался сконцентрироваться на балконе – хватит ли там места для двоих?... Потом подумал о погоде – вдруг все растает до большого плюса, и парочка трупов тогда... Нет, не думать о смерти, думать о... думать о... О бабочках!

– Мужик, открой глаза. Ты – сын?

– Сын, – кивает Феликс, не открывая глаз.

– Лешку видел?

– Видел, – опять кивает Феликс.

– И где он?

– Ушел. Я его... попросил, он и ушел. Я хотел тут один побыть. Какой сегодня день? – встрепнулся Феликс.

– Пятница, – вежливо ответил незнакомец.

– Пятница... Пятница – это хорошо. Это значит – два выходных, так? У вас бывают выходные в субботу и воскресенье?

– А как же!

– Отлично... А погоду на выходные знаете?

– Подморозит, – уже с оттенком насмешки ответил агент. – До минус десяти. Еще чего хочешь узнать?

– Подморозит – это хорошо! – Феликс открыл глаза и посмотрел на левое ухо незнакомца. – Это очень даже кстати.

Он встал и надел пальто. Агент прошелся по квартире, заглянул во все комнаты, ванную и туалет. Открыл дверь на балкон, осмотрел и его, не заходя. Феликс про себя отметил полнейшую тишину и покой внутри своего организма – вот что значит вовремя отдохнуть. Теперь главное – не смотреть никому в глаза.

– Кто отключил телефон? – спросил посетитель, послушав трубку.

– Я отключил. Я хотел побыть тут один... в тишине и покое. А ваш коллега был столь любезен, что удалился. Шарф вот, кстати, забыл... – Феликс показал рукой. – Передайте ему. Мне пора идти. Можете шмонать дальше.

– Что я могу? – в голосе незнакомца послышались угрожающие нотки.

– Не надо вот этого, пожалуйста! – заспешил Феликс. – Не говорите ничего, я и так с трудом убеждаю себя, что вы хороший человек!

– Ну ты, потомок аномалии! – незнакомец вышел в коридор. – Мне твои убеждения по фигу. Пойдем, подвезу домой. Лешка мог к тебе пойти осмотреться.

– Ко мне? – удивился Феликс и только поэтому не расхохотался после «потомка аномалии».

* * *

Осмотрев квартиру Феликса и засунув в рот зубочистку, незнакомец удалился. Так что, провожая его у двери, Феликс целиком сконцентрировался на зубочистке, постоянно перемещающейся туда-сюда под крупным носом. Закрыв дверь, попытался вспомнить лицо агента. Не смог и с облегчением себя с этим поздравил.

Феликс принял душ, переоделся, поел и вдруг понял, что у агентов были ключи и от его квартиры! Из этого, естественно, вытекало, что проводить беседы дома нельзя. Некоторое время Феликс потратил на наружный осмотр предметов мебели, стен и коробок дверей – это из детства, отец частенько так делал. Он искал прослушки, пока не начались спазмы в желудке, тогда Феликс лег, и реальность обрушилась на него с подкатывающей тошнотой. Он уже точно знал, что скажет Наталья. Обсуждать с ней причину смерти мертвечинки с балкона не было никаких сил. Значит, нужно встретить супругов у подъезда и увести их для разговора в общественное место.

Так он и сделал. Быстро оделся, вышел на улицу и топтался у подъезда, пока не подошли Наталья с мужем. С первого взгляда на супругов он понял, что те полны участия и решимости навести порядок в его жизни. Наталья притащила какой-то анализатор воздуха, чтобы снять пробу в квартире и на балконе, а бывший коллега из НИИ – сложный прибор для измерения волновых колебаний. Их пионерский энтузиазм так испугал Феликса, что он стал что-то бормотать о невозможности пройти в квартиру, о плохой ауре и всякую другую ерунду.

– Какая к черту аура! – возмутилась Наталья. – У твоих тушек из сумки сварились мозги, знаешь, что это значит!

– У тебя в квартире или на балконе есть сильный источник электромагнитных волн, – поддержал возмущение жены бывший коллега. – Я на всякий случай и счетчик Гейгера прихватил.

Наступил момент, когда Феликс испугался, что неприятие им такого поведения друзей приведет к фатальным последствиям, поэтому он, молча и не глядя супругам в глаза, протянул ключи и отошел к лавочке во дворе. Сидел там, ссутулившись, разглядывая освещенные окна дома, и пытался придумать варианты самоконтроля, но ничего в голову не приходило. Он совершенно не понимал, в какой момент и отчего у него случается этот самый выброс электромагнитных волн – от страха?.. злости? Как это предотвратить? Чем отвлечь мозг?

Посещение квартиры супругами имело самые неожиданные последствия. Наталья с мужем вышли из подъезда и, оглядываясь, подбежали к лавочке. Феликс с удивлением уставился на протянутую ладонь бывшего коллеги по науке, плохо различая в темноте, что там такое.

– Что-нибудь нашли?.. – отважился на вопрос Феликс, потому что супруги многозначительно молчали, ожидая его реакции.

– На балконе ничего не фонит, воздух в норме, – шепотом ответила Наталья, – а в квартире муж нашел жучки. Мы решили дальше не искать и ретировались.

– А почему ты шепчешь? – спросил Феликс, взял одну продолговатую пластмассовую коробочку и попытался рассмотреть ее в темноте.

– Не знаю, – шепотом ответила Наталья. – Тебя кто-то прослушивает, это понятно?

– Понятно, – пожал плечами Феликс.

– А поскольку возле тебя еще и птицы с собаками дохнут, то намерения этого лица могут распространяться и на твою жизнь и здоровье. Понятно?!

– И это понятно, – кивнул Феликс. – И кто установил прослушки, мне известно. Это наши спецслужбы. Я секретный агент, а вы что, не знали?

Выговорив это, Феликс вдруг понял, как можно выйти из сложной ситуации с трупом на балконе отца. И все стало просто. Чему быть, того не миновать?..

– Лекс, не дури, – муж Натальи ссыпал добычу в ладонь Феликса. – Птицы и собака из твоей сумки умерли из-за того, что их мозги подверглись излучению электромагнитных волн.

– И собака... тоже? – уточнил Феликс.

Размахнулся и выбросил три маленьких приборчика.

– И собака тоже! – повысила голос Наталья. – Хочешь ключи от нашей дачи? До лета там никого не будет.

Феликс задумался, представив полнейшее «никого» – ни одного человека, ни души!..

– Хочу, – кивнул он и вдруг затрясся от тихого хохота.

Потому что представил, как устанет от самого себя до отвращения, и тогда... Как это можно сделать – с самим собой?.. Может, перед зеркалом? Для такого способа самоубийства необходим, как минимум, отражатель.

– Ребята, у вас на даче есть зеркало? В шкафу или трюмо?

– Нет у нас там зеркала, но мы можем тебе его привезти, когда дороги оттают, – ласково, как больному, сказала Наталья.

Феликс прикинул, что полная изоляция ему не помешает. У него есть, по крайней мере, пара дней, пока не начнутся активные поиски капитана, который сидит на балконе отца. Он решительно встал.

– Еду!

Но не учел одного очень важного фактора. Феликс давно, почти со студенческих времен не ездил на электричках. Была пятница. Поздний вечер. В вагон вошла группа пьяных рабочих. Феликс, отвернувшись к окну, вспоминал книжку Вени Ерофеева, чтобы понять, как тому удалось передать в описании этого самого пути – «Москва – Петушки» – болезненную романтику алкоголизма и одиночества. Пьянчуги в его вагоне воняли, матерились, один демонстративно облил мочой сиденье, с которого убежала пожилая пара, а потом затеяли драку, проносясь смерчем по вагону. Феликс попал в этот смерч с еще одним трезвым пассажиром, и первое время они оба бестолково размахивали руками и ногами, держась друг друга спинами. Потом Феликс обнаружил себя в тамбуре, по лицу текла кровь – его ударили пустой бутылкой, это он еще помнил, потом, когда пьяный укусил его за ладонь, озверел, и следующая реальная картинка – приемное отделение больницы.

У него – ни денег, ни документов. Позже оказалось, что документы все-таки есть, их забрал милиционер, который провел его по коридору в странную комнату, уставленную каталками. О деньгах – ни слова. Его голова перебинтована. В комнате уже находится трезвый попутчик из электрички. Он с гипсом на подвешенной руке. Подталкивая Феликса от каталки к каталке, милиционер что-то спрашивает, но поскольку Феликс определил, что на каталках – пьяные из электрички, то он особо не вслушивается, стараясь заглушить гул в голове. В какой-то момент он вдруг понимает, что лежащие – мертвы, и начинает их считать.

– Один, два... шесть, семь... – поворачивается к милиционеру и удивленно замечает: – Ни хрена себе! Это что, мы вдвоем справились?

– Я ни при чем! – тут же громко заявляет попутчик. – Гражданин потерял сознание, когда вся кодла вывалилась на перрон. Двое до закрытия дверей провалились в щель между перроном и электричкой. Вот этот и этот. Что с остальными – я не понимаю. Они начали падать, как в отключке. Пока вы приехали, я гражданина оттащил и посадил у фонаря. Вы же взяли анализы, у нас нет алкоголя в крови! Я никого из них не знаю – первый раз вижу.

– Разберемся, – сквозь зубы бросил милиционер и посмотрел на Феликса. – Вы кого-нибудь узнаете?

– Вот этот... с бородой, он мочился на сиденье. А вот этот, рядом, ударил меня бутылкой. А что с ними?

– Разберемся...

* * *

Через час Феликс и попутчик из электрички все еще сидели в коридоре приемного отделения, привалившись друг к другу и не борясь с дремотой. Из разговоров медицинского персонала и милиционеров Феликс узнал, что они находятся в городе Железнодорожный, ждут транспорт, чтобы их двоих отвезли в Москву в изолятор временного содержания. Оказалось, что дралось уже на перроне человек пятнадцать. Кто был в состоянии – сбежали, как только появилась милиция. Феликс был в отключке, а его товарищ по несчастью со сломанной рукой, их и забрали. Других свидетелей и участников массового убийства нет. При словах «массовое убийство» Феликс очнулся и прислушался к своему организму. Если не считать совершенно зачумленного сознания и сильного гула в голове, он легко отделался. Еще он понял, что не хочет в изолятор. Там, наверняка, хуже, чем здесь. А где ему теперь лучше?.. Семеро мужиков мертвы, а он ничего не помнит. Их ждали сегодня дома... А его – кто ждет? Феликс залез рукой под свитер, достал из кармана рубашки бумажку с номером телефона, подозвал милиционера.

– Разрешите позвонить?.. – и показал на телефон на стойке. – Одну минуту только, не больше. Я бы вам заплатил, да у меня пьяные на перроне все деньги украли... наверное.

– Не положено отсюда звонить, – милиционер отвернулся.

Попутчик помотал головой и горько усмехнулся. Феликс тронул милиционера за рукав.

– Тогда вы сами позвоните. Назовите мое имя и фамилию. Обещаю, через полчаса подкатит транспорт. На всех места хватит.

Милиционер взял бумажку. Феликс внимательно отслеживал выражение его лица в момент звонка. Докладывает. Вот лицо застыло – и так с полминуты, потом молодой милиционер осторожно положил трубку и пробежался по коридору. Вернулся он быстро, с двумя напарниками в форме. Эти двое взяли обалдевшего попутчика сцепкой из рук и перетащили его, болтавшего ногами в воздухе, на другой диван. А Феликсу приказали:

– Лечь на живот! Руки на голову!

И сами стали рядом, спиной к нему.

Феликс медленно лег на короткий диванчик с металлическими подлокотниками. Ноги было не выпрямить, поэтому он лежал, закрыв голову руками и подняв согнутые в коленях ноги. Старался думать о бабочках, стрекозах, потом вспомнил зеленую ящерицу, и как Феофания спросила: «Вам нужна жена?» Это же надо, такое спросить. Слово «жена» вдруг навеяло воспоминания о Фее, ее теле – белом до удивления. Он, действительно оторопел, когда увидел девушку раздетой. Невероятная молочная белизна с розовыми разливами вокруг бледных сосков. А внизу живота – желтая пена, светится золотом...

Феликс завел руку под живот, чтобы поправить кое-что у себя в брюках. Ему тут же было приказано «лежать и не двигаться». Искусственная кожа липла к щеке. Пахло хлоркой. Феликс вдруг понял, что сейчас его жизнь изменится. Ему не было страшно. Чего бояться, если от него ничего не зависит?

Когда подъехавшие люди в штатском – все в черных пальто – осторожно усадили его, и один из них достал из чемоданчика шприц, и стал тихим голосом извинительно просить оголить руку до локтя, Феликс отрицательно покачал головой и сказал:

– Не надо. Не поможет. Эти семеро, которые в морге, свалились, когда я был в отключке. Лучше дайте какой-нибудь журнал.

– Журнал! – крикнул старший в группе.

По коридору пробежалась медсестра. В руках Феликса оказался изрядно потрепанный прошлогодний «Огонек», Феликс влип глазами в яркую женщину на обложке и так, с журналом перед лицом, вышел на улицу к машине.

* * *

Фею забрали с лекции из аудитории. С тактичной настойчивостью: «Это вы – Алина Фейсак?» – попросили показать документы и предложили проехать – «тут недалеко». Двое молодых мужчин были одинаково подстрижены, это Фея отметила сразу. В новых костюмах. Рубашки, галстуки, оттенок полосок на костюмах – все в тон. В удостоверениях обоих значился один отдел. Что такое «государственная безопасность» Фея представляла смутно. Они вошли в неприметное обшарпанное здание в старом дворе, поднялись на второй этаж и очутились в хорошо обустроенной квартире. Фею усадили за стол и дали подписать бумагу о неразглашении всего, что она услышит в этой комнате. Фея подписала. Она совсем не нервничала и была почти уверена, что находится здесь из-за родителей, которые с торжественностью, отдающей по ее мнению идиотизмом – никакого чувства самосохранения! – провожали всех своих знакомых и дальних родственников, улетающих в Израиль и Америку. Еще маленькая Алина Фейсак в подробностях запомнила обыск на их квартире в семьдесят девятом – искали самиздат. Нашли «Собачье сердце» Булгакова, отец получил два года условно.

Однако через несколько минут беседы Фея с удивлением узнала, что дело не в ее родителях, а в отце Феликса. Оказывается, этот надменный старый сноб всю свою жизнь работал на КГБ! Фея тут же подумала – мог ли он обыскивать их квартиру? Представив, что Феликс-старший в семьдесят девятом был копией своего сына, она так увлеклась воображаемыми картинками – Лекс потрошит книжные шкафы ее родителей, роется в антресолях... – что впала от воображаемых вариантов их первой встречи в напряженное обдумывание навязанного ей судьбой предназначения. Это самое обдумывание выглядело у Феи как обморок с открытыми глазами – она даже дышать перестала, замороженная результатами наложения реальности на кальку ее воображаемого.

Пришлось двум агентам щупать пульс у шикарной блондинки, застывшей в коллапсе после сообщения о секретной деятельности отца ее возлюбленного. И подсовывать ватку с нашатырем ей под нос. Фея долго не могла понять, чего от нее хотят. Когда круг ее обязанностей был определен совершенно конкретно, Фея не сразу поверила, что именно в этом и заключается тяжелый труд добровольного помощника службы безопасности. Она должна была любой ценой сохранять отношения с Феликсом Мамонтовым и докладывать о любых странностях в его поведении – для его же блага. Поскольку здоровье и настроение Феликса теперь весьма важны для государства.

– Теперь? – удивилась Фея.

– Да, теперь, когда Мамонтова-старшего нет в живых. Нам важно знать, кто и когда выходит на контакты с Феликсом, – объяснили ей. – Мы будем вам сами звонить. Если появится что-нибудь срочное или подозрительное, вот номер телефона. А сейчас забудьте все, что здесь слышали, и просто живите своей обычной жизнью. Вы любите Феликса?

– Не знаю... – задумалась Фея. – Я хочу детей только от него. Но почему-то совсем его не ревную. При любви так бывает?

Фею уверили, что она редкий и великолепный экземпляр здравомыслящей женщины. И если она не наделает ошибок, то Родина ее обязательно поощрит.

– Понимаете... – Фея подалась через стол к собеседникам, – мне уже сейчас кое-что ужасно подозрительно. Феликса нет пять дней. Он никогда не пропадал так надолго, не предупредив. В своей квартире он не появлялся с прошлой пятницы.

– А разве вы не нашли записку на кухонном столе? – спросили ее.

– Это и подозрительно, – сказала Фея. – Записка отпечатана на пишущей машинке. У Лекса машинки нет.

– Сработаемся! – агенты встали, улыбаясь.

* * *

Феликс свой первый рабочий день в Конторе (вернее, сутки, потому что день плавно перетек в рабочую ночь) провел с двумя очаровательными брюнетками. Невысокие, ладненькие, обеим около тридцати, со смешинками в глазах. Они ловко заболтали Феликса до полного расслабления сжавшегося желудка, до спокойных вдохов-выдохов, а потом он вдруг обнаружил, что улыбается, и квартира казенная стала казаться ему уютной, и медицинская аппаратура в ней уже не вызывала спазмов тошноты. Хотя утром, когда его привезли в главное здание, первое, что Феликс сказал в кабинете с задернутыми шторами, было: «Мужики, усыпите меня, пожалуйста!.. и заберите вашего агента с балкона...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.